

Юлия Климова

С улыбкой
о любви

С улыбкой о любви

Юлия Климова

Мадемуазель Судьба

«Юлия Климова»

2013

Климова Ю. В.

Мадемуазель Судьба / Ю. В. Климова — «Юлия Климова»,
2013 — (С улыбкой о любви)

ISBN 978-5-699-65170-2

Иногда жизнь кажется скучной и однообразной: один день следует за другим и, как назло, ничего интересного не происходит. Но лишь подует ветер перемен, и все меняется. В секунду! Вот так и произошло с Валькой Баталовой. Отправляясь в магазин за босоножками, она и не предполагала, в какой попадет переплет. Валентине и в голову не могло прийти, что домой она уже не вернется... А почему? А потому, что на перекрестке Судьбы ей встретится красавец-мужчина!

ISBN 978-5-699-65170-2

© Климова Ю. В., 2013

© Юлия Климова, 2013

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Юлия Климова

Мадемуазель Судьба

© Климова Ю., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

За полгода до основных событий

Отложив газету на край стола, Дмитрий Григорьевич Поляков шумно вздохнул. Светскую хронику он не любил. Обычно та расплзалась по серой бумаге во все стороны, точно убежавшее молоко, чем изрядно раздражала. Заголовки статей пестрели громкими фразами, двусмыслицей и восклицательными знаками, с фотографий смотрели худенькие длинноногие певицы, ярко накрашенные актрисы, самодовольные ведущие различных ток-шоу.

– Улыбаются, – хмыкнул Поляков.

Когда же он перестал радоваться жизни, когда разлюбил праздники? Десять лет назад. Именно тогда жена собрала чемоданы и, сказав тихое «прости», шагнула за порог. Любовь к тому времени остыла, и расставание не принесло боли, но странная, ноющая тоска изредка дергала за тонкие ниточки нервов. «Дорогой Дмитрий Григорьевич, как дела? Плохо вам? Да, угадали, это я – Ее Величество Одиночество. Нет, не уйду. Ни за что не уйду! И не просите, не просите и не уговаривайте, не уговаривайте...»

– Один, совсем один, – пробормотал Дмитрий Григорьевич, наклоня бледно-голубую чашку. Кофе выпит, остался лишь густой горький осадок... Зиночка только для него, для дорогого шефа, и только вечером готовит особенный кофе по рецепту не то бабушки, не то прабабушки – крепкий, с привкусом шоколада.

В астрологию, предсказания, гадания и «прочую бессовестную чушь» Поляков не верил, но, кинув взгляд на газету, от скуки решил попытать счастья. Он перевернул чашку, представил, как коричневая жижа лениво сползает на блюдце, и посмотрел на часы. Без пяти семь.

Дверь приоткрылась, и Дмитрий Григорьевич увидел стройную кудрявую Зиночку. Уже полтора месяца он размышлял: сделать ее своей любовницей или нет, но отношения не сулили желаемого комфорта, и дело с мертвой точки не двигалось. Ему сорок шесть, а ей двадцать девять, он слегка полноват, а она привлекательна и к тому же является обладательницей шикарного бюста, притягивающего взоры мужчин всякого возраста. Он устал, и в его сердце вряд ли разгорится огонь, а она готова любить хоть сию секунду, причем любить с охами, вздохами и постоянным обожанием в глазах... Не решался Поляков, не решался.

– Дмитрий Григорьевич, время-то уже семь, – заходя в кабинет, сказала Зиночка. Качнула бедрами, убрала за ухо непослушный локон и призывно посмотрела на шефа (вот какая я красивая, чего же ты медлишь?).

Зиночка была не прочь закрутить роман с начальником, но особо не навязывалась, однако при случае давала понять, что дорога к ее сердцу вовсе не трудна и уж совсем не терниста. Но, каждый раз наталкиваясь на отрешенный взгляд серых глаз, она не слишком расстраивалась – мужчин на ее век, конечно же, хватит.

– Ты можешь идти домой, я еще поработаю, – сухо ответил Поляков.

Пожав плечиком, Зиночка покинула кабинет, но через минуту вернулась.

– Дмитрий Григорьевич, к вам женщина.

– Какая?

– Странная...

Такого понятия, как «странная», для Полякова не существовало, за последние двадцать пять лет он повидал столько непонятного, необъяснимого и нетипичного, что давно уже ничему не удивлялся. К нему приходили выжившие из ума старухи, загнанные в угол наркоманы, зареванные звезды шоу-бизнеса, избалованные малолетние отпрыски удачливых бизнесменов, чьи-то мстительные жены, взбешенные мужья и вооруженные быстродействующим ядом любовницы. Он привык воспринимать окружающих с иронией и сарказмом и всегда держался от них на расстоянии вытянутой руки – душа оставалась спокойной, ничто не мешало мыслям выстраиваться звеньями в прочную цепочку. Первое, второе, третье – ясно и четко.

– Пригласи.

– Я вообще-то ей сказала, что рабочий день закончился, а она...

– Пригласи, – перебил Дмитрий Григорьевич. Сколько раз он объяснял Зиночке, как нужно себя вести с клиентами, но тщетно – в одно ухо влетало, в другое вылетало. Кинув взгляд на бледно-голубую чашку, Поляков почувствовал острое желание перевернуть ее сейчас же, немедленно. Дмитрий Григорьевич вдруг разнервничался и разволновался оттого, что предсказание уже свершилось, но из-за глупой Зиночки и неизвестной женщины он не имеет возможности узнать свое будущее.

Секретарша протянула «до завтра», недовольно поджала губы и скрылась за дверью. Дмитрий Григорьевич откинулся на спинку кожаного кресла и приготовился к худшему – сейчас зайдет очередная неврастеничка или молодящаяся престарелая особа, играющая роль девочки.

Но в комнату вплыла тень. Высокая, тонкая и бесшумная. Остановившись в самом темном углу кабинета, она застыла.

Черная узкая юбка почти до пола, короткий черный плащ с широкими рукавами, черные волосы, уложенные волной, и черная вуаль, прикрепленная к ним. Незнакомка излучала магическое притяжение, точно ее существо состояло из миллиарда крупинок недозволенного и прекрасного. Мгновенно ощутив непреодолимую силу влечения к этой женщине, Поляков понял, что проиграл, быть может, первый раз проиграл... Причем сразу.

У Дмитрия Григорьевича пересохло во рту, на лбу выступил пот, и неожиданная боль победно прогремела в каждом позвонке. Он поднялся из-за стола и сделал шаг к знакомке, но та резко вытянула руку вперед – положение изменилось, кажется, теперь его собираются держать на расстоянии вытянутой руки.

– Прошу вас, садитесь, – сказал Дмитрий Григорьевич, чувствуя, как холодеют пальцы и душа наполняется пульсирующим чувством восторга. Сколько знакомке лет? Двадцать пять? Тридцать? Сорок?

«Как бы не пришлось продать душу дьяволу, – прячась за сарказм, подумал Дмитрий Григорьевич. – Интересно, чего она попросит? Где бумага, на которой нужно обязательно расписаться кровью? Хорошо еще, если своей...»

– Благодарю вас, но я постою, – тихо ответила женщина. Сняв плащ, она небрежно бросила его на стул.

«По голосу не больше тридцати... Глупо, – отругал себя Поляков, подошел к шкафу и заложил руки за спину. – Голос обманчив».

– Поляков Дмитрий Григорьевич, – представился он, пытаясь разглядеть хоть какие-нибудь черты лица через узорчатую вуаль, но безрезультатно – черная ткань скрывала даже подбородок.

– Я знаю. Вас удивляет мой внешний вид?

– Немного.

– Не обращайтесь внимания, считайте это причудой.

В голове у Полякова пронеслась мысль, что вуаль скрывает шрамы... Возможно, ожог или последствие аварии... Но он тут же отказался от подобных предположений, сердце настойчиво шептало: «Эта женщина красива, необыкновенно красива».

– Сохранять инкогнито ваше право.

Незнакомка открыла сумочку, достала пухлый конверт и, положив его на журнальный столик, сказала:

– Здесь триста тысяч.

– По какому поводу?

– Вы никогда не будете пытаться узнать, кто я. Пожалуйста, обещайте мне это.

– Даю честное слово, – поправив очки, ответил Поляков. Он не нуждался в деньгах и с легкостью мог отказаться от такой суммы, но сейчас, заинтригованный и взволнованный, хотел лишь одного: как можно дольше находиться рядом с женщиной в черном. – Скажите хотя бы имя, должен же я к вам как-то обращаться.

– Ольга, – ответила она, чуть помедлив.

– Это настоящее имя?

– Да, но меня уже давно называют иначе.

– Ольга, – медленно проговорил Поляков, все же сомневаясь в честности гостьи. – Почему вы пришли именно ко мне?

– Вы один из лучших адвокатов Москвы, у вас безупречная репутация, и вас считают очень порядочным человеком.

– Порядочным, – усмехнулся Дмитрий Григорьевич. – В наше время это понятие стало весьма относительным...

– Вы никогда не нарушаете обещаний и не выдаете чужих секретов.

Улыбнувшись, Дмитрий Григорьевич вернулся к столу – приятно, очень приятно услышать о себе такое мнение, особенно из уст столь необыкновенной женщины.

«Хорошо», – мысленно произнес Поляков.

Взлет его карьеры случился пятнадцать лет назад. Судьба подкинула несколько громких процессов подряд, и Дмитрий Григорьевич, приложив максимум усилий, отстоял интересы своих клиентов, разгромив тем самым и обвинительную сторону, и дышащих в спину конкурентов. Теперь же, намотав объемный клубок славы и зарекомендовав себя умным и успешным адвокатом, он не слишком напрягался в судах, ловко распределял работу между подчиненными и... боролся с тоской.

– Пожалуйста, не сомневайтесь, я смогу оплатить ваше время и ваш труд.

– Ольга, прежде чем мы начнем разговор о вознаграждении, я хотел бы узнать причину вашего появления в моем кабинете. Я весьма избирателен и от многих предложений отказываюсь.

– Нет, сначала пообещайте помочь мне, а потом я расскажу вам все.

Проиграл, проиграл... Поляков почувствовал на себе непреклонный взгляд – Ольга знала, что он согласится, и знала это еще когда выходила из дома, садилась в машину, поднималась по ступенькам, а затем ожидала приема в светлой комнате с мягкими креслами. Конечно, эта женщина осознавала свою магическую силу и умело ею пользовалась.

Дмитрий Григорьевич коротко вздохнул: «Так под чем же придется расписаться кровью?»

– Обещаю, – ответил он, подавляя острое желание подойти к загадочной гостье ближе, вдохнуть аромат духов, прикоснуться к белым, почти прозрачным пальцам... Да что же за наваждение такое!

Ольга наклонила голову набок, и Поляков понял – она улыбается.

– Что вас привело ко мне?

Гостья резко выпрямилась, вуаль дрогнула. Всего лишь мгновение – и перед ним неприступная, холодная женщина. Попытайся он сделать шаг, и Ольга вновь вытянет вперед руку, тем самым налагая запрет на любое сближение.

– Вы должны мне помочь. Я совершила тяжкое преступление... – Ольга произнесла слова тихо, но в ушах Полякова они раздались барабанной дробью. Дмитрий Григорьевич чуть не оглох, хотя слышать приходилось и не такое. – Я теперь готова на все... – Сцепив руки, Ольга закрыла глаза, вздрогнула, несколько секунд помолчала, а затем, сделав глубокий вдох, стала рассказывать, не называя фамилий, опуская детали...

Она ушла так же тихо, как и появилась, лишь легкий аромат духов: смесь кардамона, ванили и грейпфрута – повис в воздухе, наполняя душу непокоем и... приятным трепетом. Первым порывом было броситься к окну и просто посмотреть ей вслед, но Дмитрий Григорьевич сдержался. Какой же соблазн запомнить номер машины и узнать, кто Ольга на самом деле... Но Поляков обещал уважать секрет, а своих слов преуспевающий адвокат на ветер не бросал.

Поднимая бледно-голубую чашку, Дмитрий Григорьевич уже знал, что увидит – темный силуэт таинственной женщины...

Глава 1

Босоножки можно было смело выбросить на помойку. Лаковые цветочки ободрались, а некогда красивые кожаные тесемки теперь напоминали шнурки пенсионера Сухорукова, проживавшего на третьем этаже и носившего двенадцать месяцев в году одну и ту же обувь – серые с белой отделкой кеды. «Закаляй ноги смолоду, дура», – частенько говаривал он Валентине, противно причмокивая блестящими, как дождевые червяки, губами.

– Козел, – буркнула Валя, вспоминая Сухорукова.

Вопрос о покупке новой обуви встал на повестке дня ребром. Приятно осознавать, что предстоящая трата не сильно ударит по кошельку – полученная премия уже три дня «пылилась» под тяжелой хрустальной пепельницей, давая возможность мечтам отплясывать бойкую чечетку.

– Куплю самые лучшие, – улыбнулась Валя, представляя новенькие кожаные босоножки с аккуратным каблукком. – Черные или бежевые? Бежевые или черные?

Выбирать она не любила, еще будучи школьницей, могла часами стоять около витрины магазина «Канцтовары», бесконечно разглядывая разноцветные ластик, а уж если дело доходило до набора ручек или пенала, то тут хоть караул кричи – пока все не перетрогает, сто раз не вздохнет печально, решения не примет.

Валентина снова посмотрела на поникшие тесемки и, подхватив отжившие свой век босоножки, отправилась на кухню, где торжественно опустила их в мусорное ведро.

– Прощайте и простите, если сможете, – произнесла она с чувством выполненного долга и склонила голову, изображая вселенскую скорбь.

Натянув прямую красную юбку, приобретенную на распродаже еще в прошлом году, и белую футболку с невинной надписью «Там, где сбываются мечты», Валя сунула ноги в прозрачные резиновые шлепки и направилась к соседке. Мимолетная улыбка тронула губы, в глазах запрыгали искорки радости, а из груди вырвался короткий счастливый вздох.

– Кто там? – раздался из-за двери глухой голос Наташи.

– Чего ерунду спрашиваешь, ты же в глазок посмотрела.

– Бдительность никогда не помешает, – пропуская Вальку в квартиру, ответила соседка, – это вам, молодым, все по барабану, а мы – одинокие тридцатилетние женщины, находящиеся в длительном ожидании принца на белом коне...

– Ты сейчас что-то сложное сказала, – перебила Валька.

– Вот я и говорю, молодая ты еще. – Наташа усмехнулась, махнула рукой и через пару секунд весело спросила: – А ты чего разоделась как на демонстрацию?

Наташку любили все. Потому что охотно мыла полы около лифта, на жизнь смотрела с заразительным оптимизмом, пекла отличные пироги с капустой и была неисправимой фантазеркой. Слушая ее, хотелось сказать: «Да, да, конечно, да», закатить глаза к потолку и поверить в мир во всем мире. «Душа ты моя», – называли ее так и семидесятилетняя Егоровна с девятого этажа, и восьмидесятилетняя Мария Степановна с одиннадцатого.

А еще Наталья вела активную борьбу с пенсионером Сухоруковым: запрещала ему бросать окурки в подъезде, гадить в лифте и плевать направо и налево. Он в ответ два раза поджег ее почтовый ящик и написал на двери квартиры белым мелом «рыжая курва», за что был бит зимним сапогом по костлявой спине. Только за эту борьбу – длительную, ожесточенную и, бесспорно, героическую – Наташе полагались медаль за мужество и всеобщие обожание и уважение. Никто не осмеливался связываться с Сухоруковым, его считали проклятием дома и карой небесной одновременно.

– Пойдем в магазин, мне босоножки купить нужно, – предложила Валя, принохиваясь: не испекла ли Наташка чего вкусенького. – Старые износились, я их сегодня выбросила.

– Деньги есть?

– Ага! Я премию получила.

Одобрительно кивнув, Наташа устремилась в ванную – необходимо было припудриться, накраситься и расчесать непослушные рыжие волосы. Принцы на резвых конях имеют дурацкую привычку появляться буквально из-за угла...

Скрип качелей, залитый солнцем асфальт, разноцветные клумбы, подстриженная неровными ступеньками газонная трава и легкий, еле уловимый аромат свежести – чудесный дворик, чудесное настроение, чудесный день, который не сможет испортить даже сморщенный мясистый нос пенсионера Сухорукова.

– Куда, дармоедки, направились? – спросил он, застывая синюю скамеечку газеткой.

Мужичок он был худенький, но вот нос своими размерами и цветом напоминал зрелый, лоснящийся баклажан. Ролью вселенского злодея Сухоруков очень гордился, более того, вечером записывал все совершенные за день гадости в толстую тетрадку с клеенчатой обложкой. Убирая ее под матрас, он минуты три облизывался, точно наконец-то проглотил тщательно пережеванный деликатес. Подобное поведение ехидный пенсионер объяснял просто – негодаев помнят намного дольше, чем добропорядочных граждан, а ему хочется известности, хотя бы в пределах района.

Сухоруков был согласен даже на посмертную славу, поэтому не очень страдал от отсутствия интереса со стороны прессы к своей важной персоне: «Вот помру, матрасик приподнимут – и уж если при жизни не оценили, то потом и школьников на мою могилку водить будут, и в энциклопедию имечко мое скромное вставят».

– Я говорю, куда, дармоедки, направились? – выдал Сухоруков повторно, требуя внимания.

– Никак не могу решить: черные или бежевые... – игнорируя общего врага, задумчиво протянула Валя. – Ты бы какие купила?

– Увидишь, полюбишь, и все сомнения сразу исчезнут, – с легкостью ответила Наташа.

Несмотря на субботний день, в маленьком обувном магазинчике, открывшемся полгода назад неподалеку от супермаркета, покупателей почти не было. Худенькая женщина лет пятидесяти, придирчиво рассматривающая коричневые тапочки, и конопатая девчушка, мечтательно поглаживающая лаковую туфлю с десятисантиметровым каблуком, – вот и все посетители. Валька вдохнула, шумно выдохнула и окинула взглядом светлый зал. Выбирать трудно, но без этого, увы, не получится. Она прошла вдоль первого ряда полок, затем второго, третьего и вернулась к Наташе. К сожалению, Валька могла себе позволить только одну пару босоножек.

– Есть розовые, бирюзовые, желтые... Или белые купить? Вот эти вроде ничего...

Наташа поморщилась, что было красноречивее любых слов. Валька хмыкнула, поджала губы и отправилась дальше изучать ассортимент. Через пятнадцать минут определились фавориты, но теперь предстояло понять, что важнее: красота или практичность. Наташка выступала за красоту и решительно указывала на розовые плетенки с бусинками, Валька подумывала о практичности и все чаще протягивала руку к классическим черным босоножкам...

– Обувь нужно мерить, она к ноге прилипнуть должна, – назидательно сказала подруга и спросила: – Какой у тебя размер?

– Тридцать седьмой. Хотя тридцать шестой тоже может подойти. – Валька неторопливо зашагала к продавцу, но на полпути услышала, как запиликал мобильный телефон. Номер не определился. – Да, – быстро сказала она в трубку, полагая, что кто-то ошибся и уже через пару секунд можно будет приступить к примерке.

– Валентина? – раздался мужской голос.

– Да.

– Добрый день.

– Добрый... – притормозив, Валька напряглась. Голос был незнаком, официален, но... все же приятен.

– Кажется, вы сейчас покупаете обувь.

– М-м-м... – Слова закончились, захотелось обернуться и проверить, не стоит ли за спиной какой-нибудь мужчина с телефоном в руке? Помедлив, Валька молниеносно огляделась, но увидела лишь Наташу, изучающую белую сумку с объемными накладными карманами. – Вы...

– Я на улице, – подсказал мужчина. – Ожидаю вас.

– Зачем? М-м... Кто вы?

– Я должен выполнить поручение: передать вам конверт.

– Но я не жду никаких конвертов, – выпалила Валька, добавила «извините», прервала разговор и небрежно убрала мобильник в задний карман юбки. Автоматически сделав несколько шагов к витринному окну, наполовину заставленному яркими обувными коробками, она попыталась отыскать звонившего на улице, но не увидела мужчины. Что-то не складывалось, и собственная торопливая реакция оставила неприятный осадок в душе.

Конечно, хорошо бы рассказать о звонке Наташе, но та тут же ринется ее «спасать», а... Валька нахмурилась, в голове царил неразбериха, не желавшая успокаиваться. Как-то странно. Ее вроде не надо спасать. И конверт... Человек хотел передать конверт.

«Какой конверт и что в нем?»

Мобильник запиликал вновь.

– Слушаю, – ответила Валька, уже зная, чей голос сейчас услышит.

– Валентина, вам просто нужно выйти из магазина и взять у меня конверт, – спокойно произнес все тот же незнакомец.

– Откуда вы знаете номер моего телефона? И кто вы? – отчего-то говоря тише, Валька направилась к двери магазина. – Вы курьер?

– Пусть будет так.

– Вы не ответили на мои вопросы.

– На один ответил, – уточнил мужчина с еле уловимой иронией.

«Нужно посмотреть, что это за тип, – решила Валька. – И вообще, письмо у него лучше взять, вдруг там что-то важное...»

– Хорошо, сейчас выйду, – ответила она.

– У меня будет просьба.

– Какая? – удивленно спросила Валька, хотя, казалось, лимит удивления уже исчерпан.

– Вы ведь в магазине с подругой?

– Да.

– Давайте не будем мешать ей выбирать обувь, приходите ко мне одна.

«Это уже наглость!» – попыталась разозлиться Валька и собралась из вредности окликнуть Наташу, но не стала этого делать. Не трусиха же она, в конце концов. Подумаешь, взять конверт, и все... Минутное дело.

– Вы за мной следили? – запоздало сообразила Валька.

– Немного.

– Все это очень странно.

– В жизни случается всякое.

Валя улыбнулась, сама не зная чему, и отправилась на улицу. Голос точно тянул ее из магазина прочь, и сопротивляться желанию увидеть незнакомца уже не хотелось. Минутное дело.

«От кого же письмо?..» Любопытство вспыхнуло и заволновалось в груди.

– Ты куда? – спросила Наташа.

– Я быстренько, – обернувшись, туманно ответила Валька и дернула ручку двери на себя.

...Он стоял около серебристой иномарки. Молодой, высокий, черноволосый. Нос прямой, глаза темные. Карие? Солнце выглянуло из-за ватного облака, и ничего уже разглядеть не получилось. Валька прищурилась и приняла твердое решение купить со следующей премии солнцезащитные очки. «Черные или коричневые, коричневые или черные?» Сейчас бы она хорошо смотрелась в этих очках, которые сделали бы ее уверенной красавицей. «Ну-у, не совсем красавицей...» Сдержав улыбку, настраиваясь на деловой тон, Валька направилась к мужчине.

Конечно, возле магазина были припаркованы и другие машины, но они находились в отдалении, не то что этот «серебристый бегемот», перегородивший дорожку. И больше никто не смотрел на нее, обыкновенную Вальку, так, как этот незнакомец. Он ждал ее. Спокойно, без тени эмоций.

– Еще раз добрый день, – произнес он и протянул узкий белоснежный конверт. – Прочитайте сейчас, возможно, вам захочется ответить.

– Кому? – нарочно спросила Валька и натолкнулась на пуленепробиваемую стену молчания.

Неторопливо открыв конверт, она достала очень красивую глянцевую карточку, украшенную по углам чуть изогнутыми золотыми линиями и замысловатыми ромбиками. Линии мгновенно заискрились на солнце, точно обрадовались летнему дню и возможности продемонстрировать собственную красоту.

Почерк уверенный, размашистый и... кажется, мужской.

*«Дорогая Валентина,
я хочу пригласить тебя в гости. Понимаю, что мое приглашение является неожиданностью и вызывает некоторые опасения, но тебе совершенно нечего бояться. При встрече я дам все необходимые объяснения.
Сергей (он доставил письмо), в случае твоего согласия, привезет тебя в мой дом. Вернуться обратно ты сможешь в любой момент, как только пожелаешь.
К. Ю. Я.»*

– Вас зовут Сергей? – уточнила Валька, растягивая время, пытаясь немного очухаться. Не каждый день к ней приезжают на «серебристых бегемотах» странные мужчины (в костюмах, белых рубашках, галстуках) и протягивают вот такие приглашения.

– Да, – ответил он, сохраняя официальность, но Валька заметила, как дрогнули уголки его губ. Бесспорно, она задала глупый вопрос, ну и что? – Ответить нужно сейчас, – добавил Сергей и уточнил: – Ваша подруга поехать с нами не может. Исключено.

«Наташка... Нужно хотя бы предупредить ее, чтобы не волновалась... Но разве возможно не волноваться в такой ситуации? Если она узнает, то никуда не отпустит... А разве я куда-нибудь еду?.. Не пустит, и правильно делает! Только ненормальная может поехать неизвестно куда, неизвестно с кем! – Мысли Вальки закружились, точно осенняя листва по мостовой. – Кто такой К. Ю. Я.? И что ему нужно? Что он хочет объяснить и о чем ему важно поговорить со мной?»

Валька быстро перечитала приглашение, но легче от этого не стало. Бред и фантастика.

– Я не могу поехать, мне надо подумать, – придавая голосу твердость, быстро произнесла она.

Сергей распахнул дверцу машины и ровно ответил:

– Или сейчас, или никогда.

– Но кто такой К. Ю. Я.?

– Валентина, об этом вы узнаете немного позже. Поверьте, поездка в ваших интересах. – Сергей многозначительно приподнял брови и замолчал.

Валька задержала на нем взгляд, цепкий, испытующий, но такой прием результата не дал, ничего не получилось угадать по выражению лица этого человека. Перед ней стоял приятный, со вкусом одетый мужчина, а не бандит с большой дороги, сжимающий в руках пистолет или окровавленный нож.

«Что же, что же вам нужно от меня? – задалась Валька отчаянным вопросом, совершенно не представляя, как поступить. – У меня нечего взять, и я не какая-нибудь красавица...»

Валька посмотрела на окна обувного магазина, еще раз подумала о Наташке и поморщилась: никуда она не поедет, что она, ненормальная, что ли...

А вдруг предстоит узнать нечто важное?

Тайну.

Да пропади она пропадом!

«Поверьте, поездка в ваших интересах...» – зажужжали в ушах слова Сергея.

– Пожалуйста, объясните, зачем мне куда-то ехать? – с нажимом произнесла Валька. – Может, вы бандиты какие-нибудь...

– Честное слово, не бандиты. Так «да» или «нет»? На принятие решения я даю вам одну минуту.

– Замечательно, – фыркнула Валька и опустила голову, чтобы прочесть приглашение в третий раз. Еще час назад она, радостная и беззаботная, бодро отправлялась за новыми босоножками, а теперь... Это не могло произойти с ней – невозможно, невероятно, дурацкая ошибка!

Валька не заметила приближения Сергея (тот подошел совсем близко), но зато почувствовала, как он осторожно взял ее за локоть, легко и непринужденно подтолкнул к распахнутой дверце машины, затем притеснил к салону и тем самым заставил плюхнуться в кресло. Непроизвольно втянув ноги, еще до конца не осознавая, что произошло, Валька собралась возмутиться, но дверца хлопнула, ставя последнюю точку, а через несколько секунд, когда Сергей сел рядом, щелкнули замки, отрезая путь к свободе.

– Вы... – Она наконец-то хорошенько испугалась и потеряла дар речи.

– Небольшая прогулка, не более того, – успокоил «похититель». – Давай будем считать, что я просто помог тебе сделать выбор.

Отметив, что Сергей распрощался с официальным тоном и перешел на «ты», Валька погрузилась в глубокий шок. Противные иголочки волной пробежали по спине и рукам, во рту пересохло, и только одна мысль пульсировала буквально во всем теле: «Зачем я им, зачем?»

* * *

Наташа уже сердилась на Вальку – притащила в магазин, а сама ушла куда-то. Босоножки за это время можно было купить раз десять, если не больше. Наташа улыбнулась, представляя, как они идут с коробкой в пакете мимо аптеки, супермаркета, автобусной остановки и какая Валька счастливая...

«Дома наверняка сразу же наденет обновку и до вечера не снимет. Вот где ее носит?!»

Насмотревшись на обувь и сумки, потеряв остатки терпения, Наташа вышла из магазина и сразу увидела серебристую иномарку. Большую, красивую, нагло припаркованную возле пешеходной дорожки. И странно... В машине сидела Валька! А еще в эту иномарку быстро сел какой-то парень. Наташа не успела разглядеть лица, лишь плечи, темные волосы, белый воротник рубашки...

Хлопнула дверца, и иномарка сорвалась с места.

– Куда?.. – вылетел вопрос, оставшийся без ответа.

* * *

Шок – весьма удобная и полезная штука: ничего не болит, не беспокоит, не мешает. Но, к сожалению, время этого состояния рано или поздно подходит к концу, и тогда возвращаются зрение, слух и запоздалая паника.

Валька уловила звуки тихой, плавной музыки и сфокусировала тревожный взгляд на узком зеркале, к которому был подвешен маленький плюшевый медвежонок, качающийся то влево, то вправо.

– Как дела? – иронично спросил Сергей.

На миг Валька задержала дыхание... Кресла, обтянутые бархатной бежевой тканью, дверца и передняя панель приятного коричневого цвета, мягкий коврик, кнопки... Просторно, красиво, светло. В такой машине ездить ей еще не приходилось, и поверить в то, что обладатель подобной роскоши может похитить какую-то там девчонку... Нет. Невозможно!

«И он еще спрашивает, как у меня дела...» Пальцы крепче сжали гладкий конверт.

Нахмурившись, Валька медленно повернула голову в сторону Сергея. Ей захотелось хорошенько разглядеть его, попытаться угадать, о чем тот думает и что собирается делать дальше. Кто он? И часто ли развозит по Москве приглашения от неведомого К. Ю. Я.? Существует ли К. Ю. Я. или это замысловатая ловушка? «Зачем я им понадобилась...»

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Сергей улыбнулся. Валька мгновенно отвернулась к окну и поджала губы.

– Испугалась? – спросил он, отвлекаясь от дороги. – Я такой страшный?

– Нет.

Он расхохотался громко и искренне, и не было в этом смехе ничего подозрительного, угрожающего или зловещего. Так смеются довольные люди, вовсе не замышляющие парутройку гнусных преступлений.

Любопытство победило, и Валя с интересом стала рассматривать Сергея – взгляд запрыгал вверх, вниз, вверх, вниз... Почти черные волосы, и, кажется, они мягкие. Гладко выбрит, руки ухоженные. Да, глаза карие и нос прямой, без всяких горбинок и «трамплинов». Не курносый. Нет, этот человек не бандит с большой дороги. Но, с другой стороны, Валька прекрасно помнила, как Сергей подтолкнул ее к дверце машины, а она, между прочим, вовсе и не намеревалась никуда ехать.

– Ну что, Баталова Валентина Николаевна, будем дружить? А то двадцать километров уже вместе проехали и все как не родные. Да не собираюсь я тебя убивать, – Сергей широко улыбнулся. – Мы едем в гости, вот и все.

– Но кто вы и откуда знаете мое имя? Вернее, как вы меня нашли? – с нажимом спросила Валька. – Зачем я вам? Что все это значит?

– Так случилось, – улыбнулся Сергей, – что я за тобой некоторое время приглядывал.

– Остановите машину, я хочу домой.

– К сожалению, не могу выполнить твою просьбу, посмотри в окно – леса, поля, никакой цивилизации.

Только сейчас Валька осознала, что Москва осталась далеко позади, кругом действительно простирались луга и поля, кое-где пересекаемые лишь зелеными рядами деревьев.

– Ничего, не пропаду, – ответила она, читая надпись на приближающемся указателе.

– Я понимаю, тебе страшно, но, поверь, бояться нечего. Прости, что около магазина несколько поторопил тебя... Ты сама потом все поймешь.

Эти слова никак не могли служить успокоительной микстурой, противное отчаяние подползло совсем близко и стало жадно обматывать руки и ноги гадкой липкой паутиной. Валька сжала губы и попробовала сделать очередной выбор: ныть и канючить или принять неизбежное

с гордо поднятой головой (и какой-нибудь подходящей революционной песней)? Она попыталась мысленно перечеркнуть хотя бы часть вопросов, забыть их, но ничего не получилось. Куда Сергей ее везет, почему так хорошо разговаривает, что значит «я за тобой некоторое время приглядывал», увидит ли она когда-нибудь Наташку и мерзкого Сухорукова и за что же такое наказание свалилось на нее прекрасным летним днем?

– Отпустите меня, пожалуйста, – заныла Валька и шмыгнула носом, – я же просто босоножки хотела купить... Черные или бежевые... Такой день был хороший, а вы все испортили... Поворачивайте обратно, никуда я не поеду, домой хочу, к Наташке!

– Та девушка, с которой ты пришла в магазин, твоя близкая подруга? – перебил жалостную речь Сергей. Вынув из кармана аккуратно сложенный носовой платок, он протянул его несчастной Вальке. – Слезы вытри. И чего вы, девчонки, такие плакучие? Ну, похитили немножко, ну, везут неизвестно куда и, да, совершенно непонятно, что ждет впереди, но реветь-то зачем?

Назло хорошенько высморкавшись в тонкий платок, Валька улыбнулась. Дурацкая мысль пронеслась в голове: если уж и предстоит умереть, то последние часы она проведет в обществе симпатичного, приятного Сергея, хоть в чем-то повезло.

– Ничего я про Наташку не скажу, а то вы и ее украдете.

– Хватит «выкать», я вроде не старый – тридцать лет всего. И не нужна мне твоя подружка, зря беспокоишься.

– А зачем тогда спросил?

Переход на «ты» почему-то оказался для Вальки легким. Наверное, помогли тревога за подругу и вспыхнувшая злость.

– Надеюсь, твоя Наталья не отправится сейчас в полицию, все же ты уехала не попрощавшись. Попозже можно будет позвонить ей.

– Почему попозже? Когда?

Валька только в этот момент вспомнила о существовании мобильного телефона. Это ж насколько у нее сейчас голова набекрень? Наташка! Она осталась в магазине и до сих пор не позвонила, не обрушила сто тысяч: «Ты где? Куда пропала?!», а должна уже рвать и метать. Давным-давно должна! Рвать и метать!

Валька быстро взяла телефон, нажала кнопку, но темный унылый экран сообщил о том, что мобильник разряжен и в ближайшее время порадовать свою хозяйку звонким пиликаньем не сможет.

«Так вот почему от Наташки нет звонков...»

Сергей усмехнулся и весело сказал:

– В жизни разное случается, через пару часов сама решишь, что для тебя лучше: вернуться в двухкомнатную квартиру на краю Москвы или погостить в большом красивом доме.

Глава 2

– Юрий Яковлевич, все сделал, как вы сказали.

– Спасибо, Сережа. Надеюсь, ты не очень напугал ее? Знаю я твою любовь к спецэффектам...

– Черный юмор в разговоре не использовал, был корректен, тактичен и терпелив, – с улыбкой отчитался Сергей, вспоминая, как Валька осторожно его разглядывала.

Поднявшись из-за стола, Юрий Яковлевич Казаков подошел к окну. Раздвинув шторы, скрывавшие кабинет от ярких солнечных лучей, зажмурился и облегченно вздохнул, она здесь, рядом, Баталова Валентина Николаевна.

С возрастом сложнее подавлять приступы волнения, сложнее успокаивать уже побаливавшее временами сердце и мечтать, борясь по ночам с невыносимой бессонницей.

Казакову не так давно исполнилось пятьдесят восемь лет. Задув свечи на огромном двухэтажном торте под шумные аплодисменты родственников и друзей, он вспомнил кривенький шоколадный кекс, который в далеком детстве пекла по воскресеньям мать. Юрий Яковлевич многое бы отдал за кусочек рассыпчатой, горьковатой, пахнувшей лимоном выпечки, но, увы, на его тарелку водрузили высокий треугольник бисквита, перемазанный взбитыми сливками. С восковой вишенкой. Хотя... можно поблагодарить друзей за то, что они не заказали торт в виде голубого зайца, ярко-красной машины или острова с пальмой. Такие шедевры кондитерского искусства вызывали у Казакова приступы тошноты и острой подозрительности: вдруг этот синий, красный или желтый «пластилин» на веки вечные застрянет где-нибудь в желудке? Переваривает ли подобные изыски организм? Его желудок, уже далеко не молодой, точно не переварит.

– Она охотно поехала?

– Не очень, – ответил Сергей, глядя на слегка сутулую спину Казакова. – Не волнуйтесь, я дал понять, что никто ее здесь не обидит. Валентина сейчас в комнате для гостей на первом этаже. Сидит и ворчит на весь белый свет.

– Как вы доехали?

– Без проблем. В магазине осталась подруга Вали – Наталья, полагаю, девушку нужно успокоить.

– Спасибо еще раз, ты меня всегда выручаешь, – ответил Юрий Яковлевич, возвращаясь к столу. Волнение отхлынуло, на душе стало легко, спокойно, и в голове закрутилась несколько позабытая мелодия из старого черно-белого фильма.

– Не за что, – сказал Сергей, поднимаясь с кресла. Уже лет шесть он был правой рукой Казакова, его незаменимым помощником: выполнял поручения, участвовал в переговорах, мотался в командировки. Такая работа не только нравилась, но и являлась освежающим глотком колодезной воды в суматошной, местами однообразной жизни. – Валентина – забавная девчонка, надеюсь, она согласится у вас погостить.

– Буду рад, буду рад, – с улыбкой произнес Юрий Яковлевич.

Оставшись в одиночестве, он расстегнул пуговицы тугой жилетки, достал из кармана носовой платок и промокнул выступивший на лице пот. Седая прядь упала на лоб, пальцы забарабанили по столу, глаза остановились на фотографии, где еще стройный Казаков стоял рядом с рослым мужчиной, облокотившимся на охотничье ружье.

– Давно это было... – пробормотал Юрий Яковлевич, дотрагиваясь до шершавой рамки. Он выдвинул ящик стола, достал серебряный портсигар с витиеватым рисунком и надписью: «Лучшему другу. Николай», немного помедлил, а потом посмотрел на пепельницу. Затянулся, закрыл глаза, и сознание тут же нарисовало худенькую фигурку Валентины. – Надо идти, – произнес он, настраиваясь на разговор.

Спускаясь по лестнице на первый этаж своего загородного дома, Юрий Яковлевич улыбался. Необъяснимая радость растеклась по телу, заставляя перешагивать через ступеньку. Вот так иногда, без предупреждения, к людям возвращается молодость. Она щекочет нос, ускоряет движения, перечеркивает болезни, бодрит. И от этих свежих ощущений невозможно отказаться – ни за что и никогда! Мелодия из черно-белого фильма стала четче и ярче, зазвучала громче и в конце концов взвилась к потолку, провозглашая победу над упрямым временем.

Открыв дверь, Казаков сразу увидел Вальку и прищурился, стараясь разглядеть ее получше: гостя сидела на небольшом кожаном диванчике и задумчиво теребила край футболки.

– Добрый день, – произнес Юрий Яковлевич, заходя в комнату. Наткнувшись на напряженный вопросительный взгляд, он застегнул верхнюю пуговицу жилетки, одернул пиджак, вытянулся по-военному и торжественно представился: – Казаков Юрий Яковлевич. Это от меня ты получила приглашение, и по моей просьбе Сергей привез тебя сюда. Не сердись на него, виновник твоих злоключений я и только я. – Он поднял руки, сдаваясь.

Валька уже ничему не удивлялась, настроение несколько изменилось минут пятнадцать назад. Ноги в прозрачных шлепках ступили на мягкий ворсистый ковер в гостиной, Сергей шепнул в ухо: «Золушка, добро пожаловать на бал», в глазах замелькали зеркала, лаковая лестница, мебель цвета спелой черешни, огромная люстра с тонкими длинными стекляшками и круглый стол, покрытый белоснежной скатертью, спускающейся до пола, – все закружилось, унося прочь большую часть тревог и подозрений. Здесь было так хорошо и красиво, что Валька наконец-то поверила словам Сергея: уж точно никто не собирается сокращать численность населения на планете Земля на одну тощую единицу. На Вальку. Такую дорогущую мебель пачкать кровью, по меньшей мере, глупо.

Оказавшись в небольшой уютной комнате с кремовыми шторами и кроватью, застеленной золотистым покрывалом, усевшись на диванчик, она стала ждать, когда же ей объяснят, что происходит, когда отпустят домой. И Наташке нужно позвонить, но вряд ли в этом доме найдется зарядка для мобильного телефона, купленного три года назад, – устаревшая модель! Впрочем, это ерунда, позвонить можно и с домашнего.

– А зачем я вам понадобилась? – спросила Валька, не сводя глаз с невысокого седовласого мужчины. – Мне кажется, я вас раньше где-то видела... Не уверена...

– Да, действительно, мы с тобой встречались несколько раз, – улыбнулся Юрий Яковлевич, – но очень давно, ты была маленькой девочкой с тоненькими светлыми косичками, и, кажется, у тебя не хватало двух передних зубов, однако это не мешало тебе оставаться очаровательным ребенком. Дело в том, что я друг твоего отца, Валентина.

Это был кульминационный момент, и Валька чуть не ахнула от счастья. Так вот в чем дело! Больше не надо бояться и мучиться вопросами, она попала в дом не к хитрому и опасному злодею, наоборот, перед ней человек, знавший ее отца, почти родственник! Вот это да...

– А я так перепугалась, – она засмеялась звонким залиvistым смехом, – думала, меня убить хотят! Представляете?! Приглашение, машина – все так неожиданно...

– Прости, конечно, это моя вина, но я, во-первых, хотел, чтобы наша встреча получилась особенной, а во-вторых... Я сейчас все объясню.

– Ну что вы, даже забавно получилось. – Валька подскочила с дивана и процитировала слова Сергея: – «Или сейчас, или никогда!» Наташка узнает и в таком шоке будет... А я-то боялась, что вляпалась в какую-нибудь историю!

Она представила выражение лица подруги, широко улыбнулась и посмотрела на Казакова даже с благодарностью. Вот такие виражи иногда случаются в жизни. Идешь в магазин, ни о чем таком не думаешь, мысленно выбираешь цвет босоножек, а потом – бац! – и ты в стране чудес. Загадочный принц называет тебя Золушкой, а затем появляется добрый волшебник и... Валька заложила руки за спину и сморщила нос. Кажется, она только что имела неосторож-

ность назвать Сергея загадочным принцем. Хм... Ну, это она просто так, погорячилась от переизбытка эмоций и навалившегося вдохновения. Сергей приятный, шутил по дороге... Подумаешь.

– Валентина, не все так просто... – осторожно произнес Казаков и несколько замялся. Он усадил Вальку и сел рядом. – Я должен тебе кое-что рассказать, и уж ты сама решишь, как поступить. Наверное, можно сказать, что ты «вляпалась в историю», но немножко... Совсем чуть-чуть. – Казаков потер щеку, пытаясь подобрать нужные слова. – Мне пришлось буквально выдернуть тебя из привычной жизни, потому что, возможно, в ближайшее время тебе понадобится некоторая защита. Момент неожиданности весьма важен. Да, да и еще раз да! Валентина, тебе девятнадцать лет...

– Девятнадцать с половиной, – на всякий случай уточнила Валька.

– И это прекрасный возраст – жизнь кажется простой и легкой, не хочется забивать голову проблемами и думать о плохом, но невзгоды приходят независимо от этого... – Юрий Яковлевич вздохнул и улыбнулся, заметив на лице Вали недоумение. – Кажется, я дребезжу, точно многомудрый старикан. Наверное, получилось слишком много слов, но...

– Что-то случилось? – спросила Валька, не желая в эту минуту никаких проблем и сложностей. Она только что от них благополучно избавилась, и новые ей вовсе не были нужны.

Казаков встал и заходил по комнате, испытывая острое желание вернуться в кабинет и докурить сигарету. Он еще раз одернул пиджак и пригладил седые волосы. Необходимо сосредоточиться, не стоит сильно пугать Валентину.

– Меня долго не было в Москве, думал, уж не вернусь, но работа потребовала иного. Я почему-то боялся навестить тебя, предложить помощь... Наверное, стыд мешал – бросил дочь друга без поддержки, этакая скотина. Корю себя, каждый день корю.

– Ну что вы...

– Ничего не говори, станешь старше и все поймешь. Я должен был позаботиться и о тебе, и о твоей матери. – Юрий Яковлевич остановился, вздохнул и вновь заходил по комнате. – Дела в Москве, конечно же, захлестнули. Работа, работа, работа. За суетой мы часто забываем, что главное, а что может и подождать! Но я думал над тем, как исправить ситуацию, стал помогать тебе трусливо, из-за угла... Мелочи всякие... Собственно, не хочу об этом рассказывать.

И тут Валька все поняла: так вот кого она должна благодарить за бесплатную путевку в дом отдыха в июне, за кольцо с бриллиантом, подаренное ей ювелирным магазином во время странной рекламной акции. Прежде не дарили, да и не ходок она по ювелирным магазинам, что она там забыла? Валька так же неожиданно получила должность менеджера с хорошей зарплатой и премиями, а раньше «сидела на телефоне» и денег ни на что не хватало... Наверное, и это устроил Казаков? Неужели такое в его силах?

Да, за последние несколько месяцев в жизни произошло удивительное движение. Именно движение! Лучшего слова и не подберешь! Будто кто-то вмешался и направляет, направляет, направляет... И все только хорошее. О чем же она раньше думала?

– А лотерейный билет на десять тысяч рублей – тоже вы? – растерянно спросила Валька, вспоминая, как махала им перед Наташкиным носом. Ура! Куча денег! Можно отправиться в кафе и отметить огромный выигрыш. О, сколько было съедено пирожных! И шоколадных, и ванильных, и лимонных, и с клубникой, и с малиной! Они ели вкусности, пили чай и кофе так, точно пять минут назад вернулись из пустыни, где прожили целый год. Уже ничего не влезало, а подруги, наплевав на экономию и явное переедание, заказывали еще и смеялись. Лотерейный билет... Он прилагался к толстому глянцевого журналу, брошенному в почтовый ящик вместе с рекламными листовками. *«Для наших читателей мы подготовили подарки, поучаствуйте в беспроигрышной лотерее...»* Вальке пришлось ехать на Кантемировскую в маленькую контору (все столы бумагами завалены), вызывать ответственного за лотерею Андрея Мальцева... Да,

кажется, такая у него была фамилия. Наташка говорила, «не факт, что денег дадут, мало ли чего к журналам приклеивают», но дали! И бумажку выписали на всякий случай!

Казаков вжал голову в плечи и покраснел.

– Вот я балда! – хлопнув себя ладонью по лбу, воскликнула Валька.

– Ты не обиделась?

– Нет, но... – Она не знала, что сказать.

– Я полагал, мы постепенно наладим отношения, подружмся...

– Уже подружились, – кивнула Валька, сдерживая улыбку, тоже испытывая некоторое смущение. – Очень даже постепенно получилось. Спасибо вам большое! Но вы сказали, я вляпалась в историю... В какую?

Казаков перестал расхаживать, остановился, повернулся к Вале и заложил руки за спину:

– Очень скоро моя помощь тебе совершенно не понадобится. – Он улыбнулся и нарочно выдержал паузу, чтобы преподнести новость с большим значением. В уголках глаз собрались морщины, но они сделали лицо мягче. Взгляд стал почти отеческим. – Так случилось, Валентина, что ты неожиданно стала наследницей приличного состояния. Наследство, конечно, еще нужно получить, это всегда волокита, но я, безусловно, помогу. Что? Не ожидала? – Он засмеялся, довольный произведенным эффектом. – Я рад, очень рад, что сообщил тебе об этом первый. Позволь поздравить, хотя рано... Не будем торопиться.

Валька смотрела на Казакова с недоверием: наверное, он ошибся, перепутал. Слишком много событий для одного дня, так и инфаркт схлопотать можно! Откуда взяться наследству? Она сирота: сначала умер отец, а затем мать. Родственников нет, никто не мог о ней вспомнить, составляя завещание. И вообще, завещания сейчас никто не пишет (или пишут?). Валька сморщила нос, признавая пробел в данной теме.

– Но у меня нет родственников, во всяком случае, я о них ничего не знаю.

– Еще совсем недавно у тебя была двоюродная бабушка Маргарита Григорьевна. Много лет назад она вышла замуж за француза Жан-Клода Леру и уехала жить во Францию. Эта женщина всегда недолюбливала Россию и, кажется, никогда не общалась с твоим отцом. Детей у Маргариты Григорьевны не было, и она написала завещание, в котором назвала единственной наследницей тебя. Вернее, она пожелала передать свое движимое и недвижимое имущество сыну сестры, если он жив, а если нет, то его детям. Ну надо же кому-то оставить свои богатства, – улыбнулся Юрий Яковлевич. – Лично я рад, что в данном невероятном случае это оказалась ты.

– Такая история не могла произойти со мной, – твердо произнесла Валька, возражая скорее себе, чем Казакову. – Э-э... я просто хотела купить босоножки...

– Я бы не узнал об этом, но тебя разыскивает детектив Жирар Бени, который был другом твоей двоюродной бабушки. Собственно, он тебя почти нашел – весьма настойчивый товарищ, и, именно потому я тебя украл. – На лице Казакова появилась довольная мальчишеская улыбка. – Он вышел на след твоего отца, этот след привел ко мне, а я по некоторым причинам решил немного попридержать ход событий.

Воображение Вальки разыгралось не на шутку, она заерзала на диванчике, представляя всевозможные картины. Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, комиссар Мегрэ, Ниро Вульф и даже мисс Марпл – все бросились на поиски Вальки Баталовой, позабросив громкие преступления века и прочую ерунду. Они изучали документы, устраивали слежки, опрашивали всех, кого только можно, и медленно, но верно приближались к Москве...

Валька вернулась с небес на землю и посмотрела на Казакова.

– Но почему вы решили «попридержать ход событий»?

– Вот мы и подошли к самому неприятному моменту этой истории, – развел руками Юрий Яковлевич. Он достал из кармана пиджака несколько фотографий и разложил их веером на стеклянном журнальном столике. – Посмотри внимательно.

Взяв в руки плотные карточки, Валя принялась изучать их: вот она покупает журнал, вот заходит в подъезд, а на этой – ломает булку, сидя на скамейке в парке (голодная же она тогда была!), а вот она с Наташкой около аптеки, собирается купить капли для носа. Да, последний раз она ходила в аптеку именно за каплями.

– Это я, – объявила Валька, словно данный факт кто-нибудь мог оспорить, и испытала смешанное чувство. Так вот как Сергей за ней приглядывал... Надо было булку есть не столь жадно и не капли брать в аптеке, борясь с банальными соплями, а, например, крем для лица. «Хорошо хоть, не грелку и клизму покупала», – подумала она, найдя в этом утешение.

– Не спорю, – усмехнулся Казаков. – Тебе ничего не кажется странным?

– Нет, – мотнула головой Валька. Ничего предосудительного или удивительного она не делала: слонялась по улицам в свободное от работы время, в день зарплаты покупала кофточку, футболку, косметику или недорогую безделушку, иногда ходила с Наташкой в кино, любила быструю еду в закусочных, смотрела до ночи телевизор – обычная жизнь обычной девчонки. – Я только не знала, что меня фотографируют.

– Это делал Сергей по моей просьбе. Изредка я наблюдал за тобой и несколько месяцев назад обратил внимание на мужчину, который стал частенько появляться на снимках. Вот он, посмотри.

Валя быстро пролистала фотографии. Действительно, почти на каждом снимке присутствовал низкорослый мужчина в кепке, одетый в темное. Он везде стоял в сторонке, не привлекая особого внимания.

– Но я его не знаю...

– Не торопись, подумай, вдруг ты его где-нибудь видела.

– Нет, я бы запомнила. А зачем он за мной следит?

Казаков развел руками и иронично произнес:

– Большие деньги часто тянут за собой большие проблемы, и с этим ничего не поделаешь. На мой взгляд, дело именно в наследстве. Я навел справки, и оказалось, что твоя двоюродная бабушка умерла как-то странно. Она, конечно, была уже пожилой особой, но ничем не болела. Была полна сил и собиралась открыть шляпный салон. Маргарита Григорьевна даже приобрела на аукционе несколько шляп английской королевы и очень ими гордилась. А потом – раз, и умерла. Подозревали отравление, но вроде отчеты и бумаги пропали... Темная история. Понимаешь, любое завещание можно оспорить, и если у тебя есть еще родственник или родственница, то они...

– У меня никого нет, точно! – воскликнула Валька. – Я бы знала.

– Не торопись, ты же не подозревала о существовании двоюродной бабушки, правда? А если еще есть коварный двоюродный дедушка? – пошутил Юрий Яковлевич, желая разрядить обстановку.

Это был весомый аргумент. Валька пожала плечами и покосилась на фотографии.

– И что теперь делать?

– Оставайся у меня в гостях. На несколько дней. Я все выясню, утрясу проблемы, если они возникнут, а потом жизнь вернется на круги своя. Ты встретишься с детективом Жираром Бени и станешь весьма состоятельной девушкой. Только должен предупредить, – Юрий Яковлевич лукаво прищурился, – вокруг тебя могут начать виться охотники за богатыми невестами. Как в старые добрые времена, моя дорогая, как в старые добрые времена!

* * *

«Какие еще охотники за богатыми невестами! – Валька усмехнулась и поудобнее устроилась на кровати с телефоном в руке. – Мне никто не нужен».

Казаков разрешил позвонить Наташе, проконсультировал, что можно говорить, а чего лучше не стоит, и теперь предстояло успокоить подругу. Как жаль, что нельзя рассказать все и сразу (и про Шерлока Холмса, и про Эркюля Пуаро), а нужно темнить и прятаться.

Валька приняла решение немного погостить у Казакова и теперь привыкала к новой обстановке и к «условиям игры». Надо же, у нее была двоюродная бабушка, которая планировала открыть шляпный салон! Наверное, она собиралась торговать старомодными шляпками с вуалью и перьями, шляпами-тарелками и шляпами-блюдцами.

Валька со вздохом подумала об отце. Он мог слушать ее болтовню часами и сам любил рассказывать забавные истории, смеялся очень громко, закидывая голову назад, читал книжки вслух, шурша пожелтевшими страницами, и всегда щелкал Вальку по носу, когда она дулась, не получая желаемого подарка. «Папа, папочка...» А с мамой у нее отношения не складывались, не получалось как-то... Ох и сложная штука жизнь.

Валька набрала номер Наташи и затаила дыхание, представляя, какая чудовищная буря сейчас на нее обрушится. Сходили, называется, за босоножками.

– Это я, – робко начала Валька, услышав Наташкино «алло».

– Кто – я?

Наверное, от страха, чувства вины и, как ни странно, сдерживаемого смеха ее голос изменился до неузнаваемости.

– Валька.

– Валька? Валька! – воскликнула Наташка, и ожидаемая буря обрушилась: – Где тебя носит? Ты куда уехала?! Я чуть с ума не сошла! Уже в полицию собралась бежать! Ты жива? Здорова? Господи, спасибо, она жива и здорова! Немедленно говори, где ты?

Вальке так приятно было это волнение, что она не сразу ответила, а просто сидела и с удовольствием слушала родной Наташкин голос. Пусть еще немного поругает и даже пообещает «открутить башку», как часто грозит Сухорукову.

– Ты, пожалуйста, не волнуйся. Меня в гости пригласили, ну я и поехала. Так... знакомые... Вернее, дальние родственники, – покусывая губы, принялась выдавать полуправду-полукривду Валька.

– Какие еще родственники? О чем речь? Ты влюбилась? Немедленно говори правду! Ты точно знаешь, что ему можно верить? Я видела, тебя увез какой-то парень... Откуда он только взялся! Ты его знаешь давно или познакомилась около магазина? Валька, немедленно возвращайся, я вообще не понимаю, что происходит...

– Наташенька, честное слово, я не влюбилась. Вот честное-пречестное! И я правда в гостях у дальнего родственника, он очень хороший человек.

– Та-а-ак, – многозначительно протянула Наташа. – Я хочу знать адрес этого родственника и номер его телефона. Кстати, почему ты звонишь не со своего мобильного и твой номер не определяется?

– А у меня мобильник разрядился, – беззаботно ответила Валька.

– Адре-е-ес. Я жду адре-е-ес, – нараспев напомнила Наташа.

– Ой, что-то стало плохо слышно... – Валька оторвала трубку от уха, моля о прощении, возвела глаза к потолку и продолжила: – Совсем не слышно, говори громче...

Как назло, никаких шумовых эффектов в качестве оправдания она предъявить не могла, поэтому еще раз пожаловалась на помехи, покричала «алло, алло» и прервала разговор.

Положив телефонную трубку на покрывало рядом с собой, Валька посмотрела на окно и хорошенько отругала себя за обман. Но что она может поделать? Ничего. Это всего на несколько дней. Не должна же она подводить Казакова...

«А Наташка думает, что у меня тайный роман с Сергеем. То есть она не знает, что его зовут Сергеем, но это не важно... Наверное, он еще приедет к Юрию Яковлевичу, наверное, приедет...»

Глава 3

Тутух-тутух, тутух-тутух, тутух-тутух...

– Горячие сосиски, бутерброды, чипсы, кока-кола, свежие журналы! – раздался крикливый голос проводницы.

Тутух-тутух, тутух-тутух, тутух-тутух...

– Молодой человек, покушать не желаете? – заглянув в купе, спросила дородная женщина в униформе. Она с любопытством уставилась на здорового, широкоплечего, хмурого мужчину, неотрывно смотрящего в окно. Вагон битком набит, а тут пусто, видать, четыре полки оплатил, чтобы ехать в одиночестве. – Горячие сосиски, бутерброды... Есть водка.

Встретив тяжелый взгляд зелено-коричневых глаз, она ухватила за металлическую тележку и благоразумно дернулась вперед.

– Подожди, – остановил ее хриплый голос. – Давай водку и бутерброды.

Наклонившись, женщина приподняла небольшое махровое полотенце и достала прохладную бутылку с яркой этикеткой: тут и березы в ряд, и залиvistый соловей, и положенная надпись: «Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью». Но этот мужчина явно плевал на все предупреждения – такая глыба от бутылки водки и не вздрогнет, не то что дохлики из соседнего купе. Те уже от просроченной газировки наверняка песни горланить начнут.

Спросить, с чем пассажир предпочитает бутерброды, женщина не решилась, просто положила на стол три куска хлеба с колбасой, обтянутые пищевой пленкой, сгребла со стола деньги и вылетела в коридор, проклиная про себя ненавистную работу, душные вагоны и «чертовых бандюганов, заполонивших весь белый свет». Выкрикнув еще раз надоевшие слова, она покатила тележку по затоптанной ковровой дорожке к следующему купе.

Ободрав горло водкой, Федор вновь повернулся к окну. Смазанная лента деревьев давала возможность расслабиться и подумать о прежней жизни. Федор съел бутерброд, мысленно назвал его дрянью, и пожалел об отсутствии нормального ломтя черного хлеба и куска мяса. Ничего, скоро он будет дома.

Полтора года Федор прожил в тайге. Маленькая ветхая избенка неподалеку от поселка, залатанная моторная лодка с почти стертым названием «Быстрая», мутная бутылка самогона, позвякивающие патроны в кармане прожженной искрами костра куртки, темная ночь с редкими криками птиц, высокие резиновые сапоги, чавкающие по жидкой грязи... Отличная жизнь для лешего.

Бабка Марфа всегда крестилась, встречая его, плевалась, закатывала глаза и с чувством выкрикивала: «Черт, черт!», а он лишь морщился, раздражаясь. Однажды подошел и спросил: «Прибить тебя, что ли, бабка Марфа?» Так она после этого пятью литрами святой воды и дом его облила, и полкилометра дороги, ведущей к поселку, обрызгала.

Старый Лукич захаживал изредка под вечер, заводил длинный разговор о жизни и пытался вытянуть хоть что-нибудь из неразговорчивого соседа: откуда приехал, почему людей сторонится, серьезно ли у него с Веркой, болтающей всем, будто по осени свадьба, каких делов натворил и отчего взгляд такой тяжелый? Обижать старика Федор не хотел. Покуривая самокрутку и разливая по стаканам самогон, он отделялся от любых вопросов общими, ничего не значащими фразами или шутил. Ворошить прошлое желания не возникало.

Охотился, заваривал кипятком подсохшие ягоды черники и ароматные иголки ели, продирался сквозь сомкнутые ряды деревьев, глотал ледяную и одновременно обжигающую воду родника и ждал короткого, но теплого лета – жил как все, только не со всеми.

И вот однажды налетело необъяснимое желание вернуться, точно неуправляемый порыв ветра подхватил и понес. Конечно, такую глыбу не подхватишь и не понесешь, но душа уже настойчиво ввалась к дому.

Покидав вещи в спортивную сумку, пролежавшую под узкой кроватью полтора года, пересчитав пухлую стопку денег, хранившуюся все это время в целлофановом пакете под досками дырявого пола, Федор вышел на улицу. Полноватая Верка с накрашенными оранжевой помадой губами, поняв, что долгожданной свадьбы не будет (и ничего, что предложения никто не делал), сначала остолбенела, затем профессионально зарыдала и запричитала: «Как же ты мо-о-ог...» А уж потом, уперев руки в бока, старательно прокляла «любимого» на все четыре стороны. И так это у нее сочно и витиевато получилось, что мимо пробежавшая овчарка поджала хвост и бросилась наутек. «Никогда не женюсь», – наверное, думала собака, устремляясь к лесу.

А Федор даже не обернулся. Зачем? Перешагивая через лужи и грязь, направляясь к станции, он бодро прощался с жизнью в тайге – домой, домой, хватит...

Тутух-тутух, тутух-тутух, тутух-тутух...

– Москва! Москва! – разбудил утром крикливый голос проводницы.

* * *

Почтовый ящик выглядел жалко и уныло. Корявая дверца держалась на одной петельке и беспомощно свисала, демонстрируя миру полнейшую покорность судьбе. Наверное, какой-то подросток, хорошенько опухнув от безделья, отчаянно борясь со скукой, сломал замок и навел вот такую «красоту». Поморщившись, Федор легко оторвал дверцу и бросил ее в картонную коробку для мусора.

– Ирка дура! Ирка дура! Ирка дура! – сбегая по ступенькам, выкрикивал парнишка лет десяти-одиннадцати. Курносая девчонка, несущаяся следом, выдавала словечки покрепче, размахивая при этом сложенными вчетверо прыгалками. Картина была ясной – воинственная Ирка паренька догонит и поколотит, именно поэтому Федор мысленно встал на его сторону, большего участия он проявить не мог.

– Похоже, я дома, – сказал Федор, дотрагиваясь до шершавых, покрытых зеленой краской перил.

Поднявшись на свой этаж, он увидел около мусоропровода симпатичную молодую женщину. Мелодично напевая, она подметала пол стареньким, обмотанным синей изолентой веником. Оксана. Соседка. Лет тридцать, фигуристая. Кажется, она раньше делала недвусмысленные выпады в его сторону. Федор сощурился, точно вышел на охоту, вскинул ружье и навел прицел на глупую птицу.

– Вернулся? – удивленно приподнимая ровную бровь, спросила Оксана. Спрятав за спину веник, она лучезарно улыбнулась. – Где пропадал?

– Отдыхал.

– Понятненько. Ну а где?

– На курортах нашей необъятной родины, – усмехнулся Федор.

– Что-то ты выглядишь усталым, – кокетливо протянула Оксана, превращаясь в томительную сирену, погубившую за свою недолгую жизнь множество храбрых моряков. – Голодный? Может, тебя накормить?

– Да, накормить, напоить и спать уложить.

– Могу еще баньку истопить, – голос Оксаны стал гуще и приторнее.

– Позже.

Неожиданно возникшую паузу заполнить было нечем. Открыв дверь, Федор зашел в свою квартиру. На вешалке висела черная кожаная куртка, покрытая тонким слоем пыли, в кресле валялась стопка ярких реклам, на стене красовался календарь за давно прошедший год. Тихо, даже часы не тикают. Если бы у Федора были часы с кукушкой, то кукушка уже давно бы сбежала, оставив записку: «Устала жить одна, не дождалась, прости».

Бросив пакет с продуктами на кухонный стол, Федор стянул с себя мокрую от пота футболку – отвык от такой жары, отвык. Приняв душ, он разобрал сумку, прогулялся по комнатам, дотрагиваясь до забытых вещей, пощелкал каналами телевизора и подошел к телефону. В трубке приятно загудело – был, был человек, надеющийся на его возвращение, оплачивающий за него и свет, и телефон, и квартиру.

– Спасибо, мама.

Подключив холодильник и услышав его родное гуденье, Федор первый раз за долгое время улыбнулся, испытывая непередаваемое удовольствие – вот теперь он дома. Вынув из пакета бутылку перцовки и батон сырокопченой колбасы, Федор вышел к лестнице и позвонил в дверь Оксаниной квартиры.

– Кто там?

– Свои.

Дверь распахнулась широко и гостеприимно, приглашая дорогого гостя. Раскрасневшаяся, податливая Оксана, покусав нижнюю губу, кинула дерзкий взгляд на заросшего щетиной мужчину. По ее виду было понятно: она знала, что Федор придет – никуда не денется! Ах, как это волнительно: прижаться к такому матерому зверю, почувствовать крепость его тела и вкус обветренных губ. Оксана сделала шаг навстречу, прислонилась к дверному косяку, выставила вперед ногу, с которой тут же съехал коротенький подол халатика, и с наглыми нотками в голосе спросила:

– А колбасу зачем принес? Уж управимся как-нибудь без нее.

Федор знал, как обращаться с такими женщинами. Доступность, гибкость, страстный блеск в глазах, ладная фигура, смелые слова и жаркие объятия – иногда это очень приятно получить сразу, без лишних проволок. А потом уйти, вовсе не чувствуя себя обязанным.

Зайдя в квартиру, поставив на высокую узкую тумбу бутылку и отправив туда же колбасу, Федор притянул к себе разомлевшую женщину. Неотрывно глядя в глаза Оксане, он дернул ситцевый халатик книзу. Баньку она ему истопит потом... Кому сейчас нужна банька? Уж точно не ему.

Оксана обвила оголенными руками шею Федора и, закинув голову назад, застонала.

– Кровать-то у тебя где? – с иронией спросил он, вдыхая сладкий аромат крепких духов.

– Там, – махнула Оксана в конец коридора.

* * *

Федор немного приподнялся, пытаясь расправить сбившуюся в клубок, мятую простынку, посмотрел на довольную, как кошка, Оксану и усмехнулся – ничего-то в этом мире не меняется, женщинам и мужчинам по-прежнему хочется одного и того же что в тайге, что в Москве.

– Какой же ты страстный, я чуть не умерла.

– Если захочешь, в следующий раз сделаю так, что умрешь, – сощурившись, ответил Федор, и от этого обещания по телу Оксаны пробежала горячая волна возбуждения. – Чего замуж не выходишь?

– Полгода назад вышла, а через четыре месяца развелась, – хохотнула она, переворачиваясь на бок, – так что не волнуйся, рогатый муж с винтовкой не явится, прыгать с балкона не придется.

– Спасибо, утешила.

– Хотя я уверена: любого мужа ты в бараний рог свернешь и повесишь на гвоздь на стену. Так где же ты был?

– Не твое дело.

– Неужели не расскажешь? – Оксана кокетливо провела рукой по своему гладкому гитарному бедру.

– Сказал же, не твое дело.

Надув губы, Оксана резко отвернулась – вот плата за любовь, все мужчины одинаковые!

Но Федор не собирался играть в чужие игры, он встал с кровати и подошел к зеркалу.

– Постричь меня можешь?

– Конечно, – обрадованно ответила Оксана, находя в этом еще один положительный момент. Для своего нового мужчины (да какого!) она была готова сделать все, что угодно, особенно если в этом присутствовало нечто сближающее, почти семейное. – У меня машинка есть, супругу подарила, а он, умник, не забрал. За пять минут сделаю из тебя писаного красавца. Хотя вообще-то жаль портить столь возбуждающую картину. Ты же как дикий зверь...

– Тащи свою машинку.

Выдвинув на середину комнаты стул, Федор приготовился к изменению внешности.

– Тут есть такая штучка, можно отрегулировать на нужную длину волос... – Оксана, сморщив аккуратный носик, покрутила в руках насадку и бросила взгляд на зеркало.

– Брей налысо, – спокойно произнес Федор.

– Ты это серьезно?

– Да.

Вернувшись в свою квартиру, он сразу подошел к шкафу, выдвинул ящик и достал документы на машину и ключи.

...Гараж находился недалеко от дома. Снимая с двери тяжелый амбарный замок, Федор улыбался, предвкушая встречу с брошенным другом – черный «Форд Мондео» давненько ждал, когда же его хозяин придет, усядется в кожаное кресло и вдавит в пол педаль газа. Повозиться с машиной немного придется, но верный конь не подведет.

Проехав пол-Москвы, Федор припарковался в нескольких метрах от белой, отделанной коричневой плиткой башни. Аккуратно подстриженные зеленые кустики акации и раскидистая сирень скрывали его от спешащих по своим делам прохожих. Он ждал час, два, три... Просто сидел и ждал, надеясь на удачу. Дверь подъезда открылась, и Федор увидел женщину, ради которой отдал бы свою жизнь, не задумываясь.

– Мам, я вернулся, – с улыбкой произнес он и хорошенько отругал себя такими словами, с которыми бесспорно согласились бы и бабка Марфа, и Верка. И Оксана согласится, но немного позже.

Он сидел и счастливо улыбался, однако из машины так и не вышел.

Глава 4

Раскачиваясь на стуле, Валька мужественно ждала, когда Юрий Яковлевич наконец-то освободится и сможет с ней поговорить. Все время он увиливал от разговора, задаривая подарками, отвлекая на разную ерунду. Должен же Юрий Яковлевич понять, что ей и на работу нужно (отпуск пока дали только на неделю), и к Наташке, и вообще... Наследство – это хорошо, и его даже хочется (интересно, шляпы английской королевы тоже ей достанутся?), но нельзя ли сделать так, чтобы она вернулась домой? А главное – какие новости? Очень приятно, когда тебя оберегают и балуют, но не для того же она согласилась остаться, чтобы валяться целыми днями перед огромным плоским телевизором, набивать живот пирожными и выбирать одежду в толстых глянцевых каталогах (которая, между прочим, не особо-то выбирается).

Валька не привыкла к такой жизни. Это жизнь оболтусов и тунеядцев, какая уж тут радость, какое удовольствие! Конечно, раньше не хватало заботы и внимания, но когда и того и другого чересчур много, то...

«Я не хочу тебя волновать», – мысленно повторила Валька недавние слова Казакова. А она бы поволновалась, понервничала, а то очень скучно. И еще, она бы сейчас что-нибудь постирала и погладила, помыла полы и даже окна. Но, во-первых, здесь абсолютная чистота, а во-вторых, если Казаков застанет ее за подобным занятием, то наверняка схватится за сердце и попросит валидол. Принцессы, а Юрий Яковлевич иногда ее так называет, по его твердому убеждению, уж точно не должны заниматься «подобными глупостями».

Стул резко качнулся, и Валька с грохотом рухнула на пол.

– Нда-а-а, – протянула она, поднимаясь с шелковистого, украшенного орнаментами, ковра.

Казаков очень хороший и относится к ней по-волшебному, наверное, нужно воспользоваться его добротой и выклянчить весомую порцию свободы.

Отрепетировав про себя длинную речь, одобренную аргументами, клятвенными заверениями и словами, давящими на жалость, Валька направилась к кабинету Казакова. Шмыгнув в приоткрытую дверь, она остановилась посреди комнаты и, не обращая внимания на улыбку, заигравшую на лице покровителя, точно заученное стихотворение, стала чеканить слова:

– Юрий Яковлевич, я очень благодарна за все, что вы для меня делаете. За последние два дня я хорошо отдохнула, много чего съела и получила кучу подарков... – Валька сбилась. Речь выходила немного натянутой, и искренней признательности в ней присутствовало мало. Ситуация требовала немедленного исправления. – Миленький Юрий Яковлевич, я ценю, правда ценю вашу заботу, честное слово! Но нельзя ли мне хоть куда-нибудь съездить?..

– Садись, – произнес Казаков, указывая на стул. «Такая же упрямая, как Николай, только с виду маленькая и хрупкая... Юная еще, вот сразу и незаметно». Он улыбнулся и, явно уступая, добавил: – Не перехитришь тебя никак. Хотел, но вот не получается. – Казаков улыбнулся шире. – Наверное, ты права, нельзя тебя здесь держать, как птицу в клетке. Поверь, мои запреты связаны лишь с беспокойством, я очень долго находился в стороне и очень мало делал... – Юрий Яковлевич откинулся на высокую мягкую спинку кресла и положил руки на стол ладонями вниз. Валька представила, что перед ней король, собирающийся огласить указ. – Я навел некоторые справки и... – Казаков замолчал с таинственным выражением лица.

– Что?!

– У тебя действительно есть еще один родственник. Но не проси и не уговаривай, я ничего не расскажу. Во-первых, – Казаков поднял палец, – куда интереснее узнавать все и сразу, во-вторых, меня мучают некоторые сомнения... А в-третьих, на данном этапе информации мало-вато. К сожалению! Скажу только, что этой истории много лет и речь пойдет об одной измене

и о незаконнорожденном ребенке... Пока мне даже не удалось выяснить, какого он пола: мужского или женского.

Произведенным впечатлением Юрий Яковлевич остался доволен. Еще бы! Валька сидела на стуле замерев, чуть приоткрыв рот и округлив глаза. Если так и дальше пойдет, то скоро она наверняка окажется втянутой в какой-нибудь международный конфликт или случится что-то еще похлеще («Может, шляпы английской королевы не брать?..»). В который раз ей захотелось воскликнуть: «Я просто собиралась купить босоножки!»

Валька шумно вдохнула, выдохнула и произнесла:

– Наверное, когда все закончится, я уже не смогу чему-либо удивляться. Я просто разучусь! Такое ощущение, будто я попала в книгу... Надеюсь, эта книжка с хорошим концом, а не кровавый ужасик. – Валька засмеялась, глядя на Казакова с благодарностью. Нет, в своем привычном гордом одиночестве она бы ни за что не справилась с такой ситуацией, как же хорошо, что Юрий Яковлевич написал приглашение, а Сергей приехал за ней к магазину. – Пожалуйста, расскажите хоть что-нибудь! – выпалила Валька, сгорая от любопытства. Кто же кому изменил и как найти этого ребенка? Хотя ее неведомый родственник уже вовсе не ребенок, а взрослый мужчина или женщина.

– Ни за что, – весело ответил Казаков. – Позже, Валентина, я обо все расскажу позже.

– Пожалуйста.

– Ни за что.

Ничего не оставалось, как только смириться. Или разговор можно немного отложить... Вдруг за обедом или ужином Юрий Яковлевич сам не утерпит и «выдаст тайну золотого ключика». Глаза Вальки хитро блеснули, она выпрямилась и решила, пользуясь случаем, выторговать для себя приятных бонусов. «Я дала слово, что не буду приставать со звонками Наташе... Ладно, потерплю немного...»

– Юрий Яковлевич, расскажите, пожалуйста, об отце, – попросила Валька. Заерзав на стуле, она покосилась на рамку с фотографией, стоящую на письменном столе. – Хотя бы немного.

Казаков сцепил пальцы, нахмурился, а затем кивнул, скорее своим мыслям, чем в ответ на просьбу. Вальке было бесконечно приятно, что воспоминания дороги не только ей, но и Юрию Яковлевичу. Она и не думала, что на свете есть такой человек...

«Здорово», – пронеслось в голове. Валька коротко улыбнулась и стала медленно погружаться в прошлое...

В семье бывало по-разному, впрочем, как у многих: то тихо и мирно, то ссора родителей и длительная тишина дня на три или даже четыре. Во время перебранок Валька частенько пробиралась к двери и бессовестно подслушивала, пытаясь понять, кто прав, а кто виноват, и достанется ли ей заодно или, наоборот, родители не обратят внимания на очередную тройку в дневнике и изрезанные ножницами джинсы. Каким-то странным образом получалось, что отец всегда прав, а мама придирается по мелочам: то громко укоряет в ерунде, то тихо шипит, гремя посудой: «И Валентина вся в тебя! Такая же вредная и упертая! Ничего путного из нее не вырастет».

Лет с четырнадцати Валька стала заступаться за отца, в дискуссию не вклинивалась, но при случае обязательно говорила матери: «Вот ты папу ругала, а он ничего плохого не делал» или «Я папу понимаю». Очень хотелось поспорить и доказать свою правоту, но Валька получала в ответ лишь «Больно умная!», и ничего не оставалось, как только идти в свою комнату и браться за книгу или уроки. Может, поэтому со временем между ней и матерью выросла стена, они все меньше и меньше разговаривали друг с другом.

После смерти отца (тот часто болел и жаловался на сердце) началась «новая» жизнь. Как прокомментировал происходящее гадкий и пакостный Сухоруков, «Закуролесила Антонина Андреевна, ох, едрить, закуролесила! Чему только дочь учит!»

Из дома стали пропадать вещи, зато потом начали появляться молодые мужчины... Вот тогда-то Валька и сблизилась с Наташкой: сидела у нее на кухне, ела пироги, болтала ни о чем и слушала радио, подперев щеку кулаком. «Две подружки по несчастью, – с удовольствием комментировал Сухоруков. – Одна рыжей родилась, и никто замуж не берет, а у второй мать больно влюбчивой оказалась». Валька тихо усмехнулась, вспоминая, как Наташка хорошенько размахнулась и шандарахнула врага сумкой по костлявой ноге. Это сейчас «многоуважаемый» пенсионер Сухоруков немного отъелся – при общей худобе у него появился маленький дряблый животик, – а еще год назад он походил на стопроцентного Кощея с большим носом-баклажаном.

– Николай был прекрасным человеком. Уверен, ты это и без меня знаешь, – сказал Казаков, поднимаясь из-за стола. – Добрый, честный, искренний. И очень любил тебя.

– Да. – У Вальки на лице засияла солнечная улыбка. – Но я не знала, что папа увлекался охотой.

– Вовсе нет, – покачал головой Юрий Яковлевич. – Я всего два раза заташил его в лес. И, поверь, наши потуги на этом поприще больше походили на ленивую прогулку, чем на охоту. Ни я, ни твой отец не нашли это занятие интересным, да и стрелять мы так и не научились. – Казаков развел руками: мол, негодными мы оказались, что уж тут поделаешь.

Валька хмыкнула. Несмотря на признание в неудаче, она безошибочно поняла, что Юрий Яковлевич считает свою молодость браво́й, и никто бы не удивился, если бы вдруг выяснилось, что Казаков и на рыбалку ходил, и в походы, и по горам лазил. Хотя... Валька оглядела плотную, склонную к полноте фигуру Юрия Яковлевича. «Нет, по горам, наверное, не лазил...»

– А еще, – потребовала она, подаваясь вперед.

– Николай любил картины и за двадцать лет собрал хорошую коллекцию. Не дорогущую, конечно, – Казаков махнул рукой, – но весьма интересную.

– А это для меня не новость! – выпалила Валька. – Папа мне часто показывал картины.

– Я догадывался об этом, – лукаво подмигнув, ответил Казаков.

В семье всегда был достаток. Нет, Валька не ела черную икру ложками и не утопала в дорогих игрушках, бриллианты не вываливались из ее шкатулочек и одежда не была украшена марками известных модельеров, но холодильник всегда был полон, и отец часто давал дочери деньги на карманные расходы. Он очень много работал, а Валька хоть и скучала, однако понимала: так надо.

Дождавшись вечером шелканья дверного замка, она бежала к шкафу, хватала книгу потолще, а потом пулей летела в коридор – пусть папа почитает. Подольше! Засыпая на его коленях, прижавшись к колючему свитеру, маленькая Валька счастливо вздыхала, мечтая, чтобы завтрашний день пролетел как можно скорее.

Однажды отец взял дочь за руку, усадил за стол и положил перед ней небольшой сверток. «Смотри, кроха, какую красотень я принес». Развернув плотную бумагу, Валька увидела картину – речка, камушки, корни деревьев и ярко-оранжевый цветок, тянущийся к солнцу. Почти как в учебнике природоведения. Не особо понимая, чем тут любоваться, Валька глубокомысленно изрекла универсальное слово «супер». Но вот когда отец отнес картину в свою комнату, она вдруг расстроилась и, не сдержавшись, попросила посмотреть еще раз. Отец захохотал, щелкнул Вальку по носу и важно сказал: «Моя порода». Гордость ее захлестнула, и потом, даже если и не нравились портреты или пейзажи в деревянных прямоугольных рамках, Валя всегда говорила: «Супер!» Не потому что хотела обмануть, а потому что изо всех сил старалась дотянуться до любимого отца. «Где ты берешь картины?» – как-то спросила она. «Иногда гуляю по Арбату, а иногда заглядываю в какие-нибудь сказочные местечки». И отец опять щелкнул ее по носу.

Он бывал грустный или пропадал на несколько дней. Валька к этому привыкла и лишних вопросов не задавала. Как-то из детского любопытства залезла в запретный ящик отцовского

стола и, не удержавшись, взяла в руки маленькую, вкусно пахнущую записку, но прочитать не решилась – страшно и стыдно.

– Да, у папы была коллекция картин. После его смерти мы передали ее в галерею на Большой Никитской – выполнили его волю, – отчиталась Валька.

– Я в курсе, но вы передали не все картины, – ответил Казаков.

– Разве? У нас ничего не осталось.

– Твой отец завещал галерее всю коллекцию за исключением одной картины неизвестного автора, она не очень дорогая. В библиотеке, на третьей полке справа, лежит каталог – толстый журнал в зеленой обложке. Если будет желание, можешь сходить посмотреть.

– А как называется картина? – заинтересовалась Валька.

– «Женщина в черном».

– Но я никогда ее не видела.

– Правильно, потому что твой отец хранил ее в сейфе в моей московской квартире. Он ею очень дорожил. За несколько дней до смерти Николай приехал ко мне, рассказал пару анекдотов, попил кофе, забрал картину и отправился по своим делам. Если бы я тогда знал... – Поняв, что может расстроить Валентину, Казаков спохватился и несколько отошел от темы. – Уверен, Николай никогда бы не продал столь значимую для него вещь, полагаю, «Женщина в черном» и сейчас пылится в каком-нибудь углу. Ну да ладно, ты, кажется, хотела прогуляться? Я, конечно, не прав, что держу тебя практически взаперти. Куда бы ты хотела поехать? Выбери любое место, и Сергей отвезет тебя хоть на Северный полюс!

– На Северный полюс можно, а домой нельзя? – хитро уточнила Валька.

– Нежелательно, – изображая на лице строгость, ответил Казаков. – Я все же надеюсь на твое благоразумие. Немножко терпения, и жизнь вернется на круги своя. Сначала я должен выяснить, кто тобой интересуется и почему.

– Вообще-то я готова поделить наследство на две части. Зачем мне куча денег? – Валька пожала плечами. – Половина мне, а остальное этому... ну... внебрачному ребенку. Чьему ребенку, я только не знаю. – Она помолчала, а потом прыснула от смеха. – Поделились бы и все – делов-то!

– Ты, может, и готова делиться, но вот неизвестно, о чем думает твой таинственный родственник. Почему следит за тобой, прячется? Нет, здесь что-то нечисто. Не стоит торопиться.

– Тогда можно поехать на дачу? Она в плачевном состоянии, но я люблю это место. Вдруг найду картину? Хоть какое-то занятие...

Немного помолчав, Юрий Яковлевич дал согласие.

– Сергей присмотрит за тобой. Ты даже не представляешь, как меня это утешает, – с улыбкой добавил он.

Вальке так захотелось успокоить Казакова, что она, не задумываясь, выпалила:

– А хотите, я изменю внешность до неузнаваемости? Волосы покрашу и постригусь. Да меня никто не узнает! Наташка даже, не то что какой-то там дальний родственник.

Эта идея неожиданно захватила Вальку. Так бывает, собираешься что-то изменить, и все откладываешь, откладываешь, а потом – щелк! – и решение дается легко. Она представила себя брюнеткой, с каре. Челка прямая или... Необязательно!

– Хорошо, – одобрил Юрий Яковлевич. – Так мне будет гораздо спокойнее. Я приглашу мастера. Только, пожалуйста, на даче не отходи от Сергея ни на шаг.

Валька поклялась три раза подряд и весело устремила в свою комнату. Да здравствуют перемены!

«Ладно уж, не стану я от него отходить, – ворчливо подумала она, оставляя лестницу позади. – Пусть будет моим телохранителем, если хочет. То есть, если так хочет Казаков».

Валька постаралась больше не думать о Сергее, но мысли о нем, как назло, настойчиво лезли в голову. Да что лезли, они, точно стадо бизонов, неслись вперед, поднимая пыль, заглушая топотом все «подумаешь!», «вот еще!», «глупости!».

«Он просто выглядит хорошо и высокий, а в остальном – ничего особенного», – вновь проворчала Валька.

Сергей вчера приезжал, и она мужественно игнорировала его целых десять минут. Но очень трудно игнорировать человека, который стоит и смотрит на тебя, а еще подшучивает. Дурацкие шуточки, между прочим. А потом Сергей остался на обед и все подкладывал и подкладывал ей на тарелку салаты и мясо. А зачем ее кормить? Она не маленькая! Ну, худенькая, да, но это же не повод...

Валька сморщила аккуратный носик и посмотрела на часы. Еще немного, и она превратится в сногшибательную красавицу, и пусть потом хоть кто-нибудь посмеет ей сказать: «Давай ешь, а то ветер тебя скоро унесет и мне догонять придется».

* * *

Ножницы издавали уверенное «чик-чик», длинные светлые пряди обреченно падали на пол, шея чесалась, хотелось чихнуть, попросить зеркало и посмотреть на свое преображение. Но Валька терпела – лучше потом оценить все сразу. Сюрприз! Сюрприз!

– А вы меня в какой цвет покрасите? – спросила она у молчаливой белокурой девушки, колдующей над ее новым имиджем.

– Предлагаю шоколадный – теплый, густой цвет.

– Хорошо.

Валька расплылась в довольной улыбке – это именно то, что всегда хотелось и на что никогда не хватало решимости. На свете столько краски для волос, а выбрать нужно лишь одну – невообразимо сложно.

«Ну и жизнь у меня теперь», – Валька выпрямила спину и замерла.

После двух часов мучений, постриженная, перекрашенная, отштукатуренная с ног до головы, она подошла к огромному зеркалу. На нее смотрела худенькая, невысокая, большеглазая брюнетка с короткими волосами, растрепанными ежиком на макушке.

– Наташка меня не узнает, – тихо и ошарашенно произнесла Валька, осторожно прикасаясь к косой челке.

– Оставляю вам косметику, думаю, разберетесь. Результат устраивает? – поинтересовалась девушка-мастер.

Результат очень даже устраивал – в груди подпрыгивала детская радость, и отчего-то нестерпимо жгло, будто вспыхнула спичка, которая никак не желала потухать.

– Да, спасибо, – только и смогла выдать Валька, продолжая внимательно изучать собственное отражение.

Через полчаса в комнате творился умеренный бардак: одежда лежала небольшой кучей на кровати, со стула свешивалось махровое полотенце, пустые коробки рядом стояли на полу, подоконник заняли баночки с тенями, пудрой, румянами, а на диване, прижавшись друг к дружке, уютно устроились две пары новых босоножек. Валька перепробовала и перемерила все, что только можно, и теперь чувствовала себя еще более счастливой и усталой. Не зря же говорят: все что ни делается – к лучшему! Теперь она совсем другая, и это ей бесконечно нравится.

– Ничего себе, – раздался за спиной насмешливый голос Сергея.

Валька резко обернулась, чуть не выронив тонкий кожаный пояс, так замечательно подходивший к короткому бежевому платью.

– Это ты про меня или про погром? – пряча неловкость, быстро спросила она.

- Ну-ка покажись. Ты теперь похожа на француженку, только еще неоперившуюся.
- Сам ты неоперившийся, я суперженщина, понятно?
- Нос не дорос.

На лице Сергея заиграла улыбка. Валька, отметив, как идет ему такая одежда: серые джинсы и простая белая футболка, – разозлилась, растерялась и выдала первое, что пришло в голову:

- Я все Юрию Яковлевичу расскажу.

По-детски показав язык, Валька хотела демонстративно отвернуться, но не сделала этого. Неведомая сила остановила ее и заставила заглянуть в карие глаза. Что там? Но, к сожалению, ничего интересного уловить не получилось.

– Ябеда, – засмеялся Сергей, подходя к Вальке ближе. Он явно нарочно дернул носом и нахмурился. – А чем от тебя пахнет?

Она в ответ протянула два небольших, но очень красивых флакона с умопомрачительным парфюмом.

- Такие хорошие и... вкусные.

- Сразу двумя-то зачем? – Сергей «удивленно» приподнял брови.

– Не знаю, как-то само собой получилось, – ответила Валька, пожав плечами. – Начала пробовать, а остановиться не смогла. – Она засмеялась, расслабилась, поставила флаконы на край журнального столика и отошла к дивану. Ну, да, не смогла она выбрать один из двух, что уж тут поделаешь.

– Маленькая, смешная девчонка, – подмигнув, сказал Сергей. – В кино, что ли, тебя пригласить?

– Это еще зачем? – поинтересовалась Валька и скрестила руки на груди. Выдержав короткую паузу, она с вызовом добавила: – Что ли пригласи.

- А целоваться ты умеешь, а то я без этого не могу.

Встретив испытующий лукавый взгляд, Валька схватила босоножки и запустила их в Сергея.

- Дурак!

Он ловко увернулся и захохотал. Девчушка ему нравилась все больше и больше – была в ней изюминка размером с чернослив. Новый имидж изменил Вальку – внешне сделал немного взрослее, холоднее, – но душа-то осталась прежней. Сергей знал: лоск и шик скоро спадут, вернется мягкость, и по лицу вновь можно будет безошибочно читать мысли и настроение. Впрочем, он мог это делать и сейчас.

- Так ты пойдешь со мной в кино? – серьезно спросил Сергей.

Валька нарочно решила не отвечать: хотя согласие уже рвалось на свободу – гордость настойчиво просила потянуть время. «Терпи, терпи», – шептала она, подкидывая другие фразы.

– У тебя очень красивые и необычные часы, – сказала Валька щурясь, – я еще вчера обратила на них внимание. Это подарок?

– Нет, – ответил Сергей, – мне их сделали на заказ. Одноклассник подался в ювелиры, и я воспользовался его великим талантом. Если честно, не думал, что понравятся, не очень люблю побрякушки. Но положился на вкус этого гения, – последние слова Сергей произнес весело, – и вышло не так уж плохо. Механизм от старенького «Ролекса», а корпус и браслет друг сам сотворил.

– А два красных камушка как называются? – Валька вытянула шею, пытаясь получше разглядеть циферблат.

– Гранат вроде. Ты мне зубы не заговаривай, – Сергей улыбнулся и сделал шаг к Вальке. – Пойдешь в кино или нет?

Она посмотрела на потолок, на свое отражение в зеркале, потом ее привлекла розовая азания на подоконнике, затем взгляд запрыгал с горки одежды на коробки и обратно, и только после этого пришло время ответа:

– Я подумаю.

– До чего же ты важная птица, Валька, – усмехнулся Сергей и, кивнув, направился к двери.

«А если он больше не спросит меня об этом? – Валька закусила нижнюю губу и нахмурилась. Досада и злость мгновенно встали на защиту: – Умею ли я целоваться, умею ли я целоваться... Да я чемпионка мира... нет, чемпионка планеты, а может быть, даже вселенной по целованию всяких дураков! В кино он меня пригласит! Размечтался! Сама схожу, без провожатых. И точка».

Длинным списком влюбленных в нее мужчин Валька похвастаться не могла. Собственно, серьезный роман в ее жизни случился только однажды. Около года назад, натянув на свое тощее тело вечернее платье с объемной розочкой на плече, Валька отправилась на корпоративную вечеринку. Произведя неизгладимое впечатление на программиста Сашку Семина, она стала с ним встречаться. Через пять месяцев случилось тихое расставание. Когда Наташка поинтересовалась причиной, Валька задумчиво ответила: «Не срослось». Коротко и ясно.

– Больно надо с тобой целоваться, – переходя на старушечье ворчание, пробурчала Валька. Бросив взгляд на закрытую дверь, она вздохнула и улыбнулась, вспоминая разговор с Сергеем. «*В кино, что ли, тебя пригласить?..*» Никто же его не заставляет приглашать, и значит...

«Наверное, я ему нравлюсь. Немного».

Эта мысль добавила еще одну порцию радости. Но через секунду выражение лица Вальки изменилось, махнув рукой на устроенный беспорядок, она заторопилась в библиотеку Юрия Яковлевича. Все тело неожиданно охватило нетерпение, а в голове застучало: «Быстрее, быстрее, быстрее!», будто кто-то толкал в спину, торопил.

По ступенькам вверх и налево.

Тяжелая дверь, темная массивная мебель, желтый свет большой люстры, старомодная мягкая ковровая дорожка...

Пальцы пробежались по корешкам, глаза по названиям, запах книг влетел в нос и показался знакомым.

«Где он?»

Каталог Валька нашла довольно быстро, он напоминал большой настенный календарь с отрывными листочками. Поправив съехавшую зеленую обложку, потрогав закругленный угол, она с замиранием сердца стала листать жесткие страницы. Большая фотография картины «Женщина в черном», точно красный кружок светофора, остановила спешные движения. Валька коснулась глянцевого бумажного блеска и затаила дыхание – вот ты какая... Прямой черный силуэт: длинная юбка до земли с частыми, мелкими оборками внизу, приталенная кофта со слегка расклешенными рукавами, нитка черного жемчуга на белой шее и удивительно прекрасное лицо с прямым острым носом.

– Красивая, – прокомментировала Валька, задумчиво склонив голову набок. – Интересно, кто ты такая?

* * *

Деньги имеют дурную привычку заканчиваться. Плотная стопка купюр, с трудом помещающаяся в кармане джинсов, за несколько дней растаяла на добрую половину. А жить на что-то нужно... Федор потерял небритую щеку и мысленно стал перебирать варианты трудоустрой-

ства. Собственно, с учетом его внешности и перерывом в работе их получалось не слишком-то много.

– А хочешь, я сделаю тебе массаж?

– Нет, – ответил Федор, переворачиваясь на спину. Деньги, деньги, деньги...

– Почему ты такой скучный, чем только твоя лысая голова забита? – Оксана надула губы.

– Мне нужно подумать, не мешай.

– А хочешь, я котлет нажарю?

– Нет.

Скотина, настоящая скотина. Но, черт побери, до чего же хорош! Зверь. Оксана скинула одеяло и потянулась. После неудачного замужества и хихиканья подружек за спиной ей очень хотелось вновь очутиться в светлом здании загса. Федор на роль мужа подходил идеально: жилплощадь рядом, можно продолбить стену и жить припеваючи, квартира к тому же у него шикарная. Опять же подружки умрут от зависти... Заполучить такого мужика – большое везенье, на него только посмотришь, и сразу в постель бежать хочется! С Федором не будет пресно и скучно, не то что с бывшим муженьком-валенком. Только как заманить зверя в сети? Ничего-то ему не надо – сколько волка ни корми, все в лес смотрит. Пока Федор безработный, но это временно, ни за что такой мужчина не станет сидеть на шее у женщины. И, между прочим, раньше его карьера явно шла в гору... Оксана положила руку на свой живот и издала легкий стон с оттенком упрека.

– Мне надо ехать, – ровно произнес Федор.

– Куда?

– На кудыкину гору.

– Почему ты такой грубый?

– Не нравятся вопросы.

Встав с кровати, Федор накинул рубашку и обернулся, Оксана смотрела так страстно, так призывно.

– Пожалуй, я побуду еще немного.

На ее лице заиграла победная улыбка.

Жара к вечеру спала, напрашивался дождь, но нависшие тучи, не роняя капель, медленно проплыли мимо. Асфальт был сухой и еще горячий. Федор немного постоял у подъезда и направился к машине. Сев за руль, он выкурил две сигареты подряд. В голове билась только одна мысль: как решить финансовый вопрос? Можно вспомнить старые связи, но свое пребывание в Москве пока обнаруживать не хотелось – друзья и знакомые сейчас никак не вписывались в его жизнь. Придется что-то объяснять, отвечать на вопросы, слушать советы... Нет, нужно искать другие пути. Позже он займется чем-нибудь серьезным, пока же необходимо прийти в себя, привыкнуть к такой новой старой жизни.

Федор достал мобильник и набрал номер. В ответ: «Абонент не отвечает или временно недоступен». Пришлось вытягивать из памяти другие цифры.

– Кашина можно?

– А кто его спрашивает? – раздался дребезжащий старческий голос. – Спрашивает-то его кто?

Матвей Кашин по школьной кличке Барсук давным-давно выклянчил у Федора три тысячи долларов. Выклянчил и пропал. Пил, гулял и играл в карты. Нарисовался только через два с половиной месяца, развел руками, пустил крокодилову слезу и заверил, что долг вернет в ближайшее время. Федор знал, кому давал деньги, и особо на их возвращение не рассчитывал – махнул рукой и благополучно забыл о Барсуке. Встречались потом несколько раз, но о трех тысячах не вспоминали – один стыдливо отводил глаза и в качестве отвлекающего маневра начинал рассказывать байки и анекдоты, второй улыбался, не держа в душе зла на расточительного и разгильдяйского приятеля.

- Знакомый.
- Звать как?
- Федор Рябов.

– Подожди, милоч, – старушка зашуршала бумажками. Спустя три минуты она гордо объявила: – В списках значишься.

Услышанному Федор не удивился. Барсук частенько попадал в разные истории и очень трепетно относился к безопасности, наивно полагая, что жалкие маневры в случае угрозы спасут его паленую шкуру от многих бед. Своей престарелой матери он оставлял список лиц, которым можно было сообщать о его местонахождении. Список изредка сокращался и с такой же частотой пополнялся – поссорившись с одним приятелем, Барсук гневно вычеркивал соответствующую фамилию, помирившись, вписывал вновь. Нелепость заключалась в том, что о его убежищах знали все, кому не лень. Покосившийся домик в деревеньке (на расстоянии семидесяти километров от Москвы) и квартира зазнобы Люськи в Подольске – вот и все места дислокации.

Раз старуха зашуршала бумажками, значит, Кашин в бегах, а если в бегах, то денег у него, конечно, нет. Федор поморщился, провел рукой по лысой голове, взвесил все «за» и «против» и решил ехать – даже если не повезет с деньгами, то он повидает старого знакомого и пообщается с ним «за жизнь».

– Отправляйтесь в деревню, там он сейчас обитает. Кефира купите и булок, оголодал, поди, мой Мотя.

Федор купил бутылку водки, копченую скумбрию, банку маринованных огурцов, шпроты, батон варено-копченой колбасы под многообещающим названием «Пикантная», две буханки бородинского и обещанный кефир. Кто знает, может, сейчас Барсуку и кисломолочные продукты деликатесом покажутся. Федор улыбнулся, представляя лицо друга, когда тот увидит зеленый пакет с надписью «Кефир».

Деревенька была бесподобной, предприимчивые любители живой природы с бульдозерами и новыми архитектурными проектами еще не добрались до этих мест. Уже стемнело, но память дорисовывала невидимые детали. Дома с облупившейся краской, щуплые кустики красной и черной смородины, заботливо прополотые грядочки, коричневые бочки по углам домов, обтянутые ржавыми кольцами, старушки в ярких платочках, чаевничающие на верандах, – кусочек спокойной, размеренной жизни.

Дверь оказалась открытой.

– Конспиратор хренов, – буркнул Федор, заходя в комнату с низким потолком, обклеенную выпцветшими серо-зелеными обоями. На маленькой электрической плитке бухтел чайник – пар тонкой струйкой вырывался из носика, крышка с брякающим звуком подскакивала, а мелкие обжигающие брызги летели во все стороны. – Мотя, ты где?!

На втором этаже послышались шаги.

- Че надо?
- Зашел сказать, что чайник вскипел, – бросил Федор.
- Кто там?
- Рябов!

Увидев старого приятеля, Барсук расплылся в добродушной улыбке, стыд по поводу невозвращенного долга умер в душе давным-давно.

– Вот это да! Уж не думал, что свидимся. Как ты меня нашел?

– Догадайся с трех раз, – снимая чайник с плитки, ответил Федор.

– Мамаля свое дело знает, в обиду родного сыночка не даст, – одобрительно кивнул Кашин.

– Просила кефирчиком тебя побаловать... Водка и закуска в пакете.

– Вот спасибо, вот молодец, а то жру всякую гадость: консервы с морской капустой, консервы с гречневой кашей и консервы с зеленым горошком. Больше ничего сюда не привозят, да и денег нет. Кстати, о деньгах... Ты за ними приехал?

– Почти. Как я понимаю, взять с тебя нечего?

– Продулся опять в пух и прах, – развел руками Барсук. Он был младше Федора, однако выглядел лет на сорок. Лихая жизнь изрядно потрепала Мотьку Кашина, поэтому он напоминал печеный картофель, но не унылый, а весьма оптимистичный и бодрый. – Раньше что было? Игральные автоматы! В карманах пусто – до свиданья! Бездушные железные машины... А теперь сядешь в кабаке за столиком с другом, разложишь картишки пару раз и... По уши в долгах! Честным людям развернуться негде. Страдаю через это дело страшно сказать как!

– Сочувствую, – не особо старательно нарезая колбасу, усмехнулся Федор. Посмотрел на приятеля и вновь застучал ножиком о старую доску, прожженную с одного края. Он с удивлением отметил, что не знает, почему Кашина прозвали Барсуком – то ли из-за длинного тонкого носа, то ли из-за белой седой пряди на макушке, появившейся в школьные годы, а может, еще из каких соображений.

Плюхнувшись за стол, Барсук заботливо уложил шпротку на кусок ароматного хлеба и, счастливо воскликнув «эх!», засунул почти весь бутерброд в рот.

– Вот ведь жизнь – странная штука, – изрек он, чавкая, – лучшие годы гоняемся за черной икрой, а по-настоящему вкусными нам кажутся незамысловатая тощая килечка да сдобренная специями колбаска. Это бабы нам головы дурят: то одно им подавай, то другое, а я бы сидел на бережку с удочкой и в ус не дул, плевал бы на картишки. А помнишь, какие я побрякушки делал? А часы? Любо-дорого посмотреть!

– Помню. И много женщин тебя с пути истинного сбило? – усмехнулся Федор. – Небось до сих пор у Люськиной юбки крутишься. А она к барахлу равнодушна, тебя, дурака, любит, так что не мутит воду зря.

– Люська! Люська – человек, не спору. – Барсук растянул рубашку и почесал дряблый живот. – Но все одно: бабы до добра не доводят.

– Расскажи лучше, что в мире делается, давно меня в Москве не было.

Барсук, разлив водку по невысоким стаканчикам, покачал головой и с умным видом пустился рассказывать были и небылицы. Через час, разомлев, он уже врал без остановки про случайную встречу с президентом в трамвае и про нашествие комаров-убийц, откусывающих головы прохожим. Федор слушал бред старого приятеля со снисходительной улыбкой. За этот пустой вечер, возвращающий его к прежней жизни, он простил бы Барсуку куда больше, чем три тысячи долларов.

Глава 5

Валька продолжала беспокоиться о подруге, и дребезжащее волнение постепенно перекинулось на Казакова.

– Наташа, наверное, в полицию пойдет... Меня спасти. Она такая. Ей нужно, чтобы все было по справедливости и никого не обижали. А обо мне она заботится, и вообще очень хорошая, – сказала Валька за завтраком, ковыряя ложкой овсяную кашу.

Эта фраза заставила Юрия Яковлевича тяжело вздохнуть и улыбнуться. Немного поразмыслив, покачивая головой, он разрешил еще один звонок «боевой подруге» (так Казаков с мягкой иронией называл Наташу), а Сергею велел разведать обстановку. Валька от радости чуть не подпрыгнула до потолка и сразу бросилась к телефону, но разве может утешить короткий разговор? «У меня все хорошо, не беспокойся, скоро вернусь... Когда? М-м-м... Пока не знаю. Чем занимаюсь? Завтракала овсяной кашей, еще съела бутерброд... Да точно, точно у меня все в порядке!»

...Какие только задания не доводилось выполнять Сергею, в какие только переделки он не попадал, но что бы ни случилось, ко всему относился спокойно и даже философски. Если впереди маячило нечто рискованное, то это лишь повышало адреналин в крови и отчасти увлекало. Сергей ни за что не променял бы свою работу на офисную службу с девяти до шести.

Изредка приходилось перевоплощаться и старательно играть обременительные, занудные роли – тащиться в далекие дали и устраивать представление. К подобному дуракавалянию Сергей относился без энтузиазма, но есть такое слово «надо», и с этим ничего не поделаешь. Вот и сегодня можно было смело «расклеивать афиши», оставалось лишь сделать выбор: кем стать?..

– Смотри, Валька, на какие муки иду ради тебя, – сказал Сергей, демонстрируя плотный голубой комбинезон и ветровку. – Кем прикинуться, пока не решил, как думаешь, за сантехника сойду?

– С большой натяжкой, – скептически рассматривая униформу, ответила Валька. – Пахнет от тебя хорошо, и вообще... симпатичный.

– Прошли те времена, когда трубы меняли мрачные типы с недельной небритостью, обремененные похмельем. – Сергей усмехнулся, а затем вздохнул. – Хорошо, хоть сегодня не тридцать градусов, а то умер бы я от жары в такой одежде. Придется тебе все же сходить со мной в кино. В качестве компенсации.

– А ты кран починить сможешь? – спросила Валька, нарочно не обращая внимания на его последние слова – пусть еще раз попросит, так приятно...

– Ну как тебе сказать... Вообще-то нет.

– Дохлая получается легенда. У Наташки кран полгода течет – попадешься на раз.

– Тогда буду борцом с насекомыми. У вас там как с тараканами?

– И здесь пролет, нет их ни у кого. Вернее, есть только один таракан по фамилии Сухоруков.

– Да ты хорошо живешь, Валька. – Сергей улыбнулся, с тоской посмотрел на металлический чемоданчик, стоящий у двери, и добавил: – Все же остановлюсь на сантехнике, а подружке твоей кран скотчем обмотаю, и пусть попробует сказать, что плохо сделал.

Он соорудил страшную гримасу, Валька фыркнула, а затем вздохнула.

– Очень я по Наташке соскучилась. Переживает, наверное. Ты ее там утешь, пожалуйста, получше.

– Не беспокойся, забудет о тебе через пять минут. – Сергей лукаво посмотрел на Вальку и хитро сощурился.

– Я же не в этом смысле. Дурак! Размечтался!

Сергей засмеялся и ответил:

– Я пошутил.

Отбросив на диван голубую ветровку, он подошел к Вале, взял ее за подбородок и заглянул в глаза.

– Ты чего?.. – прошептала она, боясь пошевелиться. Сердце неожиданно принялось выстукивать: «Пусть поцелует, пусть поцелует, пусть поцелует...»

– Любуюсь.

– Это правильно, – сказала Валька с вызовом, пытаясь понадежнее скрыть чувства и мысли.

– Смешная ты...

– Неправда.

Сергей хмыкнул, опустил руку, подхватил ветровку, чемоданчик и вышел. Валька издала короткий страдальческий стон, шагнула к дивану и прислушалась к сердцу. Оно, боясь гнева хозяйки, больше ничего интересного не выдавало.

– Я не смешная. Вовсе не смешная! Ходит тут, мешается, отвлекает от важных дел. Без него в сто раз лучше. – Чтобы придать словам больший вес, Валька сжала кулаки и вздернула нос. – Интересно, думает он обо мне или нет?.. Неважно. Совсем неважно, – торопливо добавила она через секунду и направилась к зеркалу, выискивать в отражении замечательные достоинства и плачевные недостатки.

* * *

К вынужденным спектаклям Сергей никогда не готовился заранее, обычно надеялся на интуицию и житейский опыт. Устремляясь к Москве, он вспоминал забавную девчонку, гостившую в доме Казакова, а не размышлял над ролью сантехника и уж вовсе не беспокоился о предстоящей починке крана. Похоже, он нравится Вальке, похоже, она ему тоже.

Припарковавшись за продуктовым магазином, Сергей направился к нужному дому. Сдерживать улыбку удавалось с трудом – очень забавно вылезать из «Мерседеса» в таком наряде...

Стоило нажать на коричневую, немного поцарапанную кнопку звонка, как сразу же распахнулась дверь. Сергей увидел приятную девушку с непокорной копной рыжих волос и очень светлой, почти белой кожей. Хозяйка квартиры напоминала фарфоровую статуэтку (художественный беспорядок на голове не в счет), вот только одежда – серые бриджи и желтая майка – портили образ.

«Добрый день, Наташа. Как поживаете?» – мысленно обратился к ней Сергей.

Девушка чуть наклонила голову набок, разочарованно поджала губы («Видимо, Вальку ждет...») и спросила:

– Вы к кому?

– Сезонный осмотр сантехники, жалобы есть? – отрапортовал Сергей, отмечая про себя, что глаза у Наташи красные и настроение явно на нуле.

– Нет.

«Ну вот, начинается... Проблем у нее нет, а как же обещанный кран?»

– Кран не течет?

– Нет.

– Если затопите соседей, то претензии нам потом не предъявляйте. Страховая компания вам тоже не поможет – от них никогда ничего добиться нельзя. Распишитесь вот здесь. – Сергей сунул Наташе блокнот. На помятом листочке красовалась табличка с несколькими колонками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.